

Сокровище Сивояры

Автор:

Дмитрий Емец

Сокровище Сивояры

Дмитрий Александрович Емец

Ева и Магические существа #3

Синего единорога с оранжевой гривой знали ещё с древних времён. Он мог свободно путешествовать между нашим миром и Теневым, точно рейсовый магтобус. Но однажды жадный до власти Фазаноль начал охоту на Магических существ, и тогда единорога пришлось спрятать. Сто лет Хранительницей единорога была Сивояра Тоннельсон из старого магического рода полуэльфов-полугномов. Но её время истекает. Кто же станет новым Хранителем единорога?

Дмитрий Емец

Сокровище Сивояры

Но мы не в ответе за все Эпохи, мы призваны защитить нашу Эпоху, наши годы, без устали выкорчёвывая знакомые нам злые побеги на знакомых полях, дабы оставить идущим за нами добрую пажить для сева. А будет ли орошать её ласковый дождик или сечь суровый град – решать не нам.

Дж. Р. Р. Толкин. «Властелин колец», «Возвращение короля»

Приключение – правильно воспринятое неудобство. Неудобство – неправильно воспринятое приключение.

Гилберт Честертон

Иллюстрация на обложке Анны Китовой

© Емец Д., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ЗАКЛИНАНИЯ

Ксероксус – заклинание копирования. Продукты питания лучше дублировать заклинанием дубль-публь.

Дубль-публь – заклинание дублирования для однородных продуктов. Горшочек с кашей, как у братьев Гримм, и всё такое.

Копыто отбрыкус – убойное заклинание.

Э

кситус лета?лис – боевое заклинание. Смертельный исход.

Сносус таранус – таранящее заклинание.

Капапультум когтерватус – дорогое заклинание быстрой телепортации на малое расстояние.

Слепокурос – слепящее заклинание. – 10 капов.

Зумус очкатус – увеличивающее заклинание. – 10 капов.

Дрыхомус – сонное заклинание.

Громус камикадзис – заклинание большой разрушительной силы. – 3000 магров рыжьём.

Смерчус схлопус – всасывающее заклинание. – 1000 магров рыжьём.

Всёпропалус – заклинание паники. – 10 капов.

Квакиссимо – магия трансфигурации. – 1200 магров.

Дрыхомус – сонное заклинание. – 1 магр.

Вкотлетло – боевое заклинание. – 2 магра.

Горнус меднус – заклинание плавления. – 50 капов.

Всёдосталус – заклинание отчаяния. – 50 капов.

Отелло дездемонус – заклинание ревности. – 99 капов.

Глава 1

Magia_zdez_i_seychas

Живёт зверь за Океаном-морем. А рогом проходит зверь по подземелью аки ясное солнце по поднебесью, он проходит все горы белокаменные, прочищает все ручьи и проточины, пропускает реки, кладязи студёные. Когда зверь рогом поворотится словно облацы по поднебесью, вся мать-земля под ним

всколыхнётся... все зверья земные к нему прикланятся, никому победы он не делает».

«Голубиная книга»

Филат неумоимо бежал, ловко лавируя между прохожими и перемахивая любой встретившийся ему забор. Нет такого забора, который остановил бы стожара. Изредка, чтобы отдохнуть, он заскакивал в кузов попутного грузовичка. Пару раз его замечали из задних машин и начинали сигналить и гнаться за ним. Это Филата веселило. Он давно хотел увидеть заурядца, который сумеет поймать стожара.

«Магболь номер ноль!» – повторял Филат всю дорогу.

Филат спешил к маме. Утром Настасья мельком упомянула, что маму перевели в другое отделение. Филату это не понравилось, хотя он не подал виду. Он умел сдерживать свои эмоции. Ну, чаще всего. В теории. Старался, во всяком случае.

«Магболь номер ноль. Магболь номер ноль».

И вот теперь Филат бежал, на бегу выгоняя из себя тоску.

Он чувствовал себя одиноким. Никому не нужным. Неудачником. Есть высокий старт. Есть низкий старт. Есть старт из ямы. У Филата был старт из очень-очень глубокой, грязной и вонючей ямы. Есть люди, за которыми охранники в магазине ходят по пятам. Продавщицы многозначительно переглядываются и начинают разглядывать купюры на свет. Женщины прижимают к животу сумочки.

Если ты стожар, тебе никто не верит. Если ты стожар – для всех в магическом мире ты подозрительная личность. Средний маг относится к чужой беде как к чему-то заразному, поэтому так важно ответить «о'кей» на вопрос «как дела?». Стиснуть зубы и ответить, потому что иначе будет хуже. Если ты не ответишь «о'кей», то, возможно, всё же лучше спрятать от тебя кошелек и прижать к животу сумочку. Просто на всякий случай.

И мама у стожара была такая же дикая и затравленная, как и он. Хотя и очень-очень опасная. И ещё они постоянно скрывались. От магзелей, от Фазаноля, от магов, от заурядцев. От всех и всегда. Не умели никому доверять. Никогда и ничему не верить – в этом сама сущность стожаров.

В детстве, когда его ровесники писали в тетрадях, отрабатывая свой собственный почерк, Филат подделывал документы сотнями чужих почерков. Своего же старался не иметь. Свой почерк – это улика, которая однажды сработает против тебя и приведёт к зомбированию. Когда другие дети счастливо утыкались в телефоны, он разбирал искромёты, пулемаги и штопорники. А иногда – просто автомат Калашникова со складывающимся прикладом и укороченным дулом. Мама вечно таскала его с собой на дне спортивной сумки. Она говорила, что маги часто забывают о простом оружии, презирают его – и напрасно. Предпочитают запуки, блоки и отводящие заклинания. А между тем никто не знает, как повёл бы себя великий граф Вольт де Шморт, выпусти в него однажды родители Гурия Пуппера вместо одиночных зелёных искр эдак полмагазина из «калашникова».

А вот у Евы, с которой Филат себя мысленно постоянно сравнивал, потому что всё время о ней думал, была буржуазность. Благополучие. Пускай не всегда, пускай не везде, пускай с трещинкой после ссоры её родителей, но Филат угадывал у неё счастливое детство. Когда она читала свои книжки или занималась пишмагером, счастье так и исходило от неё волнами, привлекая не только котошмеля, Лайлапа и горгулий, но и самого Филата. Но он, конечно, её не стоит! Хорошо, что удалось вытащить из Теневых миров маму – и это сейчас главное.

Но прочь все лишние мысли! Бежать, просто бежать! Когда человек бежит – он убегает от всего. В том числе и от самого себя. Филат давно уже открыл для себя этот способ. Не останавливайся и не задумывайся! Пока ты бежишь – ты в полном порядке!

Порой Филату хотелось пить, и он заглядывал в первый попавшийся магазин. Заурядских денег у него не было. Их с лихвой заменяла вторая сверху пуговица, которую он выиграл когда-то в пари у гнома. С виду пуговица особого впечатления не производила: жёлтая, большая, с двумя дырочками и с какими-то вкраплениями блестяшек.

В магазине Филат решительно направлялся к самой строгой с виду кассирше и, глядя ей прямо в глаза, вежливо говорил:

– Добрый день! Можете дать мне бутылку воды без газа и какую-нибудь ненужную шоколадку? Совершенно любую, но даром. То есть бесплатно.

Кассирша начинала медленно открывать рот, чтобы сказать «нет». Филат буквально видел, как это строгое «нет» вскипает возмущением и совершает путь от мыслительного аппарата к речевому. И тут Филат проворачивал свою пуговку. Где-то за спиной у Филата вырастал морок Иосифа Сталина и произносил:

– А если я попрошу за этого молодого человека?

Голос был с небольшим акцентом, тихий, но всегда почему-то различимый. Сталин посасывал трубочку и смотрел исподлобья. Он не угрожал, не требовал, а испытывал: может ли один советский человек попросить шоколадку и бутылку воды у другого советского человека? И «нет» кассирши чудесным образом превращалось в «да». Филат получал свою воду и шоколадку и нёсся дальше. Морок же исчезал метров через тридцать.

– Это же мошенничество! – сказала как-то Ева.

Филату стало обидно за стожаров. Стожары не мошенники! Они уважают законы.

– Попросить воду – мошенничество? Я подарил ей самое дорогое, самое сильное переживание в жизни! И всего-то по цене шоколадки и бутылки воды без газа!

В районе трёх магзалов Филат приостановился, размышляя, как ему быстрее добраться до магболя. «Три магзала» – место в магическом мире известное, не только тем, что о нём писали Ильф и Петров. Через Казанский магзал в столицу во главе колонны безымянных жён прибывают деловитые папаши-джинны, таящие в заплечных мешках кучу маленьких джиннчиков. Через Ярославский магзал в Магскву едут кикиморки, болотницы, домовые, банники, поляницы удалые в летающих шлёпках на голую пятку, а также сильные, могучие богатыри, едущие наниматься в магзели. Но самый загадочный магзал – Арктический, он же (у заурядцев) Ленинградский. Города с названием «Ленинград» в России давно уже нет, но магзал об этом знать не знает, ведать

не ведает и с удивительной энергией поставляет в столицу жителей северных земель: лесовичков с дремучими бородами, обросших мохом лешаков и дышащих ледяными струями воздуха зимниц. Через тот же магзал в Магскву приезжают белоглазые и белобровые шведские берсерки и могучие норвежцы-оборотни, кувыр- кающиеся лунными ночами через воткнутой в пень нож и превращающиеся в громадных белых волков.

Первой мыслью Филата было сесть в метро – в самое обычное, заурядское, – и на нём добраться до магболя. Второй вариант – примерно такой же по времени, но чуть более опасный – был пойти через Грифовую площадь.

После небольшого колебания Филат выбрал вариант с Грифовой площадью. Районы центральные и околоцентральные – самые старинные, поэтому неудивительно, что Москва сильнее всего пересекается с Магсквой именно в них. Карты городов накладываются, конечно, но не абсолютно. В результате магическое Митино и магическое Чертаново хотя и существуют, но освоены и населены куда меньше, чем магическое ВДНХ или Нескучный сад.

* * *

Срезая путь, Филат свернул на Грифовую площадь. У заурядцев в этом месте находится парк «Сокольники». У магов никаких «Сокольников» нет, зато существует Грифова площадь с рынком, окружённым подозрительными улочками и тупичками. Некогда существовал ещё магический «Черкизон», но его выжгли плазмой магзели после того, как туда протекли Теневые миры. Теневые миры вечно протекают, пожирая наш мир, как плесень кусочками пожирает старое одеяло, и эти места потом приходится выжигать, от чего одеяло, увы, не становится больше. Латки же с помощью пятого измерения не так уж универсальны.

По выводящей на рынок улочке ползало жуткое существо, похожее на улитку без панциря, всё в выступах, впадинах и наростах. На существе висела грязная табличка:

Незабываемое удовольствие для всех желающих!

Из слизи торчал ботинок какого-то бедолаги, втянутого им целиком. Эта гадость, выползшая из верхних слоёв Теневых миров, выдавала довольно много наслаждения. Правда, параллельно она тебя переваривала. К слизи, пробиваясь сквозь толпу, уже спешили несколько атлантов с искромётами. Пару минут спустя его превратят в пепел. Защита у этих гадов не очень сильная. Чтобы с таким справиться, не нужно быть стожаром. Это не змеи из глубин. Пара выстрелов – и чудище уберётся. Правда, того типа, чей ботинок торчит, уже не спасти.

Некоторые маги, проходя мимо слизи, похлопывали его ладонью, уверенные, что, получив немного наслаждения, сумеют быстро отдёргнуть руку. Они были убеждены, что с ними не случится такого, как с тем типом. Они же точно быстрее, умнее и, в отличие от него, сумеют остановиться вовремя.

Филат касаться слизи не стал. «Не переоценивай своих сил!» – одно из правил стожаров.

Рынок на Грифовой площади жил своей жизнью. Что-то продавали, кричали, меняли. Хотя залёт на рынок на магшинах не приветствовался, магшин повсюду было брошено немало. Магшины скупались за бесценок по всему городу, притаскивались сюда и использовались в качестве складов. Снаружи их для дополнительного заработка обклеивали плакатами с оживающей рекламой.

С одной рекламы смотрел Малютка Бокси – самый неудачливый боец без правил, сын гнома и украденной им кешалии. Тощенький, весь в синяках и кровоподтёках, с кучей шрамов, смятыми ушами и расплюснутым носом, но ничего не боящийся, совершенно бешеный и вечно лезущий на рожон. За всю свою карьеру Малютке Бокси не удалось выиграть ни единого боя. Но держался он всегда упорно и никогда не сдавался. За это Малютку Бокси уважали. Существовало немало магов, ходивших на все его бои. Других бойцов, даже более сильных, публика забывала, а Малютку Бокси нет.

«Приходи смотреть, кто меня побьёт на этот раз!» – зазывала реклама.

На другой рекламе было написано:

Скажи на вдохе «Лев!» – и получи подарок!

Филат попытался сказать на вдохе «лев» – и мучительно закашлялся. И сразу же ему захотелось купить пастилки против кашля, которые по невероятному совпадению продавались всего в трёх шагах от рекламы.

С третьего плаката чернобородый мужчина с деревянным посохом призывал: «Хватит играть по чужим правилам! Запишись в партию магоборов!»

Лицо на плакате показалось Филату знакомым. А! Это же известный Аникей Ягнило, главный магобор и жулик с размахом. Мелкий жулик украдёт у вас магический перстень и попытается сбежать. Его поймают и будут бить. Крупный хищник украдёт континент, но при этом сумеет убедить всех, что так и должно быть. Аникей Ягнило был, вероятнее всего, средним хищником, потому что континент он пока не украл, но и на перстни уже не зарился.

Вообще фраза «Хватит играть по чужим правилам!» использовалась в оживающей рекламе часто. «Хватит играть по чужим правилам! Отдай все магры гномикам!», «Хватит играть по чужим правилам! Отпили свои крылья!», «Хватит играть по чужим правилам! Покупай товар только у нас!» – ну и так далее.

В дальней части рынка, где места стоили недорого, а то и вовсе можно было встать даром, толпился всякий подозрительный люд. С краю ютился тихий старичок в неприметных треснутых очках с перемотанной изолентой дужкой. Однако стожар жалеть дедушку не стал. Он знал, почему дужка перемотана. Там спрятан толстый провод для метания штопорных заклинаний.

А вот и товар бедного дедушки. Три огромных голема-бетонта. Везут каждый по тонне. Сжатые кулаки размером с кувалду. Головы перекроенные, с торчащими кусками арматуры. Вместо носов – дверные ручки. Зубы – пилки от лобзика. Глаза – веб-камеры, причём некоторые подразбитые и с трещинами.

На всех трёх големах аккуратно, по шаблону, написано: «Ваша безопасность – наша забота!» Если просто надо поохранять ваше спокойствие – сто магов в день за одного голема. Если нужно нарушить спокойствие наглого соседа – то это уже отдельный тариф. Со старичком его тоже можно обсудить.

Чуть подальше расположились техномаги, разложившие на газетках непонятные устройства по цене три магра за дюжину. Ещё дальше – воришки, пытающиеся загнать сомнительного происхождения ковёр-самолёт. Один продавал, а трое отслеживали его издали, чтобы он не сбежал с выручкой. Деревенские ведьмочки, из-под полы продающие яйца жар-птиц, хотя на прилавках у них разложена невинная разрыв-трава.

Всё это стожару было хорошо известно. Он и воришек сразу высмотрел, и ведьмочек мгновенно рассортировал на тех, у кого яйца жар-птиц покупать можно, а какая подсунет болтунца, а то и яйцо лунной ящерицы. Вот только вкус у яиц лунной ящерицы ужасный, да и магии от них практически никакой.

Один из продавцов привлёк внимание стожара. Это был высокий, измождённого вида мужчина. Он сидел, низко опустив голову, и покачивался, точно зомби, застигнутый солнечным светом. Перед ним шагах в двух неподвижно застыл голем с железной грудью. Взглянув на него, Филат пораженно распахнул глаза. Подобных големов, да ещё в таком великолепном состоянии, практически не встречалось.

Перед ним застыл голем-железногруд одной из первых серий – практически целиком из металла, квадратненький, уютный, с заметными сварными швами. В груди – печная дверца. Её следовало открыть и забросить дрова, а пар голем выпускал через уши. Работал на магии переводеревьев, но мог и на торфе, и на угле. Когда мир был молодым, магия присутствовала повсюду. Во всяком древнем дереве, во всякой коряге со дна болота до сих пор куча юного, горстями швыряющего магию солнца.

Голова у голема тяготела к квадрату. Глаза – замочные скважины. Нос – тоже замочная скважина с торчащим из неё ключом. Ключ огромный, старинный. Рот – как круглый решётчатый динамик. Уши... гм... что же это? Ага – это же части старинной водопроводной колонки с рычагом!

А это что? Длинная коса, сплетённая из трёх колодезных цепей, скованных на конце массивным замком. Ой, это же голем-девушка! Вот и юбка у неё есть из кровельного железа. Големы-девушки практически не изготавливались. Почему-то любой наспех сделанный из чего угодно в смеси с чем попало дуболом по умолчанию считался мужского рода. И все почему-то считали это нормальным!

«А ведь это, товарищи, предрассудки! Никогда не понимал, почему женщины не служат в армии! Ведь они на словах так любят порядок!» – подумал Филат и стал пробиваться к продавцу голема. Он прекрасно знал, что такая бронедевица ему не по карману, но все равно стало интересно.

Рядом уже крутились несколько покупателей. Големы-железногруды очень ценятся для домашних работ. На них совершенно не надо тратить магию. Они сами способны получать её из угля или найденной в лесу коряги. Причём если магии оказалось больше, чем надо, то ещё и делятся с хозяином. Мало того что у тебя есть слуга – он ещё и сам платит тебе за свою службу! Поэтому маги, у которых есть мозги, железногрудов, конечно, никогда не продают. Но тут, видно, случай особый.

– Ну и почём у вас этот хлам? Так... просто ради интереса... – стараясь казаться равнодушным, спрашивал какой-то тип с глиняной трубкой в зубах. Явно перекупщик с рынка.

Измощённый продавец поднял голову. Он казался не человеком, а марионеткой, которой кто-то управляет, дёргая за нитки.

– Мне необходимо сто пятнадцать тысяч триста двадцать магров!.. – произнёс он.

Перекупщик отпрянул, выронив трубку:

– Сколько-сколько? – повторил он.

– ...уже триста двадцать один магр...

– У тебя мозги есть?! Да ей восемьсот магров красная цена!

– Сто пятнадцать тысяч триста двадцать два магра! – сказал измощённый. Казалось, внутри у него вращаются колёсики, как у старого газового счётчика.

– Я даю тысячу! Рыжём, не зеленью! Понимаешь? – перекупщик наклонился, стараясь, чтобы его услышал только продавец, но уши стожара не обманешь.

Синие губы продавца дрогнули, будто он пытался усмехнуться.

– Тысяча меня не выручит! Мне нужно сто пятнадцать... – начал он, но договорить не успел.

Послышался звук, с которым раковина втягивает последнюю порцию воды. Измождённый человек всплеснул руками, как это делает надувной человечек у шиномонтажа, и исчез. На земле лежали только его одежда и ещё нечто похожее на пустой резиновый костюм. Только у этого резинового костюма были зубы и волосы. И ещё пальцы. Филат уставился на неподвижно лежащее тело. Он не боялся мертвецов, но сейчас ему стало действительно жутко. Такие вещи происходят только в трёх случаях. После водоглота. После сдувателя, засаженного в бок магическому существу. Или... если кто-то не отдал магический кредит.

Завизжала женщина. Потом другая, третья. Толпа бросилась в разные стороны. Эта часть рынка стремительно пустела. Сюда уже бежали големы-магзели.

Перекупщик с глиняной трубкой немного поколебался, поглядывая на неподвижно стоящего голема, но потом тоже неохотно отошёл. Никто не хочет объясняться с маг-зелями, да ещё по такому вот жуткому делу. Хорошо бы увести голема с собой, притворившись, что ты его хозяин, но просто так голем за тобой не пойдёт. Чтобы голем обрёл другого хозяина, нужны особый знак, гравировка, спрятанная в голове бумажка – в общем, нужны текст и слово. Ну да, некоторые пытаются написать на бумажке «Теперь хозяин я!» и быстро сунуть её голему в рот, ухо или в карман на антиме, но это редко срабатывает. Големы – довольно честная магическая конструкция. Даже охранные бетонты и те верны своему старикашке.

Магзели были уже близко. Спешили, свистели, растягивали магические сети. В воздухе, торопясь заснять самое интересное, носилась красная летающая магшинка «Маг-ТВ» со счетверёнными камерами на крыше.

Филат больше не созерцал. Он действовал. Первым делом подбежал к тому, что недавно было хозяином голема, а теперь стало сдутой тряпочкой, и, подобрав выпавший у него из руки вещун, зажал его под мышкой. Затем подскочил к броневнице и несколько раз махнул у неё перед глазами рукой. Броневница не сдвинулась. Филат быстро коснулся ладонью дверцы у неё на груди. Ага,

совсем холодная. Всё ясно. Огонь погас, причём уже давно. Чтобы печной голем заработал, его нужно заправить дровами. Но на это сейчас времени не было.

– Ты меня слышишь? – громко спросил Филат.

Ключ, заменяющий голему нос, чуть-чуть провернулся. Ага, отлично, слышит!

– Меня зовут Филат. Магсква, Садово-Кудринская, шесть! Я потерял... э-э... вот это вот! Очень-очень ценная вещь! – сказал Филат. Не зная ещё точно, что именно он потерял, Филат быстро сунул руку в карман, нашарил первое, что попало, и бросил его голему в печную дверцу. Попутно Филат заметил на дверце медную табличку с надписью «SiT». Табличка болталась на одной заклёпке. Захлопнув дверцу, стожар повернулся, нырнул за прилавки, на четвереньках прополз под ними и скрылся в толпе зевак.

Не особенно таясь, потому что в толпе чем больше ты прячешься, тем ты заметнее, Филат неспешно прошёл несколько рядов и нырнул в закуток между двумя брошенными магшинами. У одной из них напрочь отсутствовала задняя дверь, и Филат счёл это приглашением забраться внутрь.

Здесь он открыл вещун, подобранный рядом с телом. У вешуна был потрепанный вид, но обложка толстая, кожаная, дорогая. Записи в вешуне были все с выраженным хозяйственным либо строительным уклоном: «Прачечная», «Курьерская доставка «Купидон» – быстро и безопасно», «Продукты оптом», «Расчистка аварийных тоннелей», «Гномстройсервис» – строительство драконоубежищ под ключ». Филат просмотрел несколько страниц и, уже захлопывая вешун, внезапно обнаружил на его обложке нечто вроде вращающегося картонного диска с заклёпкой.

Он осторожно коснулся его, сразу убрав руку. Диск завертелся, и в воздухе над вешуном всплыли буквы, вытканые из тонких струек дыма:

Zlata plus

Madam_tvoyshahs

Nadoelo_zdat

Tapiera_tmp14

Free_free_free_3kap

Snow_guest_vip

Magia_zdez_i_seychas

Vash_kapriz

Ty_dostoin_bolshego_vip_free

Gadalka Gadi

Brzhdun54893549345

Филат приподнял руку, и все эти надписи, словно по сигналу, подплыли к его пальцу. Филат быстро убрал палец и торопливо захлопнул вещун, сказав: «Нет уж, милые! В другой раз!» Выбрасывать вещун, однако, не стал, а сунул его в карман, хотя вещь была очень опасная.

Город пронизывают техномагические сети. Они повсюду, даже под землёй. Им не мешают ни кирпичные стены, ни гранит. Бывают сети, которые просто пересылают магию на расстояние, – например, сети, управляющие городскими охранными големами, которых в Магске тысячи. Некоторые замаскированы под статуи или под оживающие барельефы, перемещающиеся по стенам домов. Не то чтобы совсем двухмерные, но назвать их трёхмерными язык не повернётся. Как подпитывать всё это хозяйство? Как передавать приказы? И как получать от големов обратную информацию? Всё это делают магические сети.

Бывают магические сети гадалок. Есть сети торговых предприятий, кафешек, информационные, транспортные, сети вызова прыгающих магшин, ковров-самолётов и так далее. Даже у сказочников, по слухам, есть свои сети, но они работают на совсем другой магии, и тут она не высвечивается. Но больше всего

сетей кредитных – тех, что каждую секунду назойливо предлагают вам магию: «Возьми! Возьми! Ты достоин большего! Не жди! Мы близко! Мы тут!»

Взять эту магию действительно просто. Пара секунд – и она твоя. А вот отдать... Про это Филат всё уже знал. Его мама когда-то взяла кредит и еле выбралась из Теневых миров. Кредит взял и этот бедолага, не сумел выплатить – и вот что с ним стало. Шкурка, волосы и зубы, воткнутые в пустую кожу.

И наконец, кредит взял сам Филат, чтобы вытащить маму. И этот кредит теперь капля по капле отравлял ему жизнь. Закрыть его сразу было нельзя. Не для того даются магические кредиты, чтобы их так легко возвращали. Даже если бы Бермята и Настасья отдали все свои запасы, это ничего бы не изменило. Кредит желал выпивать магию Филата постепенно, подчиняя себе все его силы и время. Получалось, что на те магры, которые Филат ежедневно зарабатывает, он покупает себе минуты и часы жизни, но основная сумма долга при этом растёт. А если Филат перестанет платить – с ним будет то же, что с этим типом.

Ну ничего! У него теперь хотя бы есть голем. И этот голем когда-нибудь к нему придёт, если магзели додумаются подбросить к нему в топку хотя бы одно полено. Магзели, возможно, не знают, что големы первых моделей всегда возвращают все найденные ими вещи хозяину. А вот стожар об этом знает. Об этом рассказывают стожарские сказочки, самые точные сказки в мире.

Даже если чужая вещь – это просто яблочный огрызок.

Глава 2

Всёпропалус

Как я научилась жарить яичницу. Берёшь яйцо и жалобно стонешь: «Ма-а-ам! А яйца мыть надо? Тут на нём какая-то подозрительная трещинка! Вдруг в неё сальмонелла заползла?» Мама мигом прибегает – и у тебя яичница.

Настасья. Воспоминания из детства (уничтоженный блокнот № 1)

Полчаса спустя Филат был уже у знакомой девятиэтажки. Быстро оглядевшись, он провёл рукой по вывеске «Центр охраны зрения». Буквы на вывеске растаяли и проступило «Магболь № 0». Дряхлый атлант, напоминавший створчатый шкаф, возился с клумбой у себя на макушке. Когда-то цветы были искусственными. Теперь атлант пытался прорастить настоящие маргаритки в куске дёрна, который наклеил на тумбочку с тремя ящиками, служившую ему головой.

– Сменная обувь! – привычно проскрипел атлант, открывая и закрывая нижний ящик головы, служивший ему ртом.

На сей раз Филат не стал переобувать ботинки с правой ноги на левую. Ему было лень их расшнуровывать. Он достал из кармана бумажку и крупно написал на ней: «СМЕННАЯ ОБУВЬ». Атлант с грехом пополам прочитал, успокоился и опять занялся своей клумбой.

Почти у каждого старого атланта есть какая-нибудь слабость или увлечение. Наличие увлечения – признак постепенного зарождения души. Так утверждают стожарские сказки. Стожарские сказки – самые правдивые сказки в мире. Если в стожарских сказках говорится, что у чудовища был двадцать один глаз, а ключ в замке нужно повернуть ровно три раза – значит именно двадцать один глаз и именно три раза, а не четыре и не два. Стожарские сказки не терпят вымысла, хотя во все остальные моменты жизни стожары довольно часто врут.

Филат некоторое время наблюдал за неуклюжими попытками атланта разглядеть свою макушку в зеркало.

– Давай помогу! – сказал он и, вскочив на стол, выхватил у него зеркало. – Вот смотри! Тут какая сложность, якорный бабай! Нужен хоть небольшой слой земли! В дёрне ничего не вырастет!

– Земля сваливается! – проскрипел атлант.

– Не свалится! Тройной слой марли! Внутри торф! И поливаешь пшикалкой! Через марлю корни пробьются, а торф осыпаться не будет! А сверху нахлобучишь круглый аквариум, чтобы был парничок! Аквариум я тебе

раздобуду! – пообещал Филат.

Атлант несколько раз восхищённо открыл и закрыл нижний ящик.

– Ты помог мне! Я помогу тебе! – скрипуче произнёс он и показал Филату на щель в своей голове. Из щели лезла закрученная чековая лента, на которой бесконечно повторялось «Ведётся фиксация!». – Вот так! Минуту! – сказал атлант, придерживая чековую ленту пальцем и мешая ей ползти. – Ты Филат-стожар. Ты приходишь сюда уже в третий раз. К маме.

– Да.

– Твою маму перевели на минус пятый этаж. Третий не очень левый поворот. Четвёртый крайне правый поворот. Шесть пролётов вверх, затем пять вниз и два пролёта по диагонали, пока не услышишь звук рвущейся ткани.

– Ткани? Не вощёной бумаги? – удивился стожар.

– Ткани. Проекция шестого измерения на седьмое... – Это очень... – атлант разом открыл и закрыл свои дверцы, – нехорошо. Три-четыре-шесть – закрытое отделение. Там держат тех, кто представляет опасность для других магов. Утром в больницу прислали двух бетонтов и двух магзелей. И они тоже направились в три-четыре-шесть.

Филат поморщился. Бетонтов, подобных тем, что он видел на рынке, магзели используют для охраны особо важных объектов. Они довольно подвижны, потому что у них нет брони «антимаг». Бетонтов делают из песка, щебня и цемента, прекрасно впитывающих атакующую магию. Для полного уничтожения бетона нужно не менее двух тысяч магров.

Дряхлый атлант продолжал что-то говорить, поскрипывая ящиком-челюстью:

– Я не люблю бетонтов... Они... – Атлант затруднился с определением и показал на чековую ленту, которую всё ещё прижимал пальцем. – У них нет этого вот, что можно придержать... Они делают всё как велено... Их тут попросили доставить одну старушку на рентген, а металлическая дверь была закрыта, и они просунули бабушку в отверстие для рентгеновских снимков, как в почтовом

ящике. Скандал был ужасный. Оказалось, что проблема состояла в галочке «срочно». Не стоило её добавлять. Тогда бы они сходили за ключами или дождались лаборанта. А так – «срочно». Ну бетонты и сделали «срочно», а на остальное им наплевать.

Филат кивнул, показывая, что понимает. Атлант продолжал монотонно скрипеть:

– Я обязан сообщить о твоём приходе магзелям, и я это сделаю, но не сразу, а через пятьдесят девять минут!

– Тебе за это ничего не будет? – спросил Филат.

– Техномаги забыли убрать галочку с пункта «сообщить в течение часа». Я почти мебель. Никто никогда мной не интересовался. Только ты и та бабулька, которую просунули в отверстие для снимков. Это она дала мне семена маргариток для моей головы. Внимание! Я отпускаю ленту!.. – Атлант убрал палец, и из щели мгновенно вырвался здоровенный рулон ленты. – Сменная обувь! – скрипуче потребовал атлант.

– У меня невидимые бахилы! Спасибо тебе! – сказал стожар и, подмигнув атланту, решительно направился к лестнице.

Третий не очень левый поворот. Четвёртый правый... Нет, не то... Филат вернулся и из пяти возможных правых выбрал самый правый. Лестница закручивалась в бесконечные спирали, как на картинах Эшера. Какие-то лестницы двигались сверху вниз, какие-то – снизу вверх. Мимо Филата двое санитаров-хримтурсов протащили носилки с диковатым, поросшим грязной белой шерстью йети, но головы санитаров были опущены вниз, из чего стожар заключил, что по каким-то пространственным параметрам они не совпадают.

Таких зданий, как магболь № 0, в Магскве больше не строили. Слишком дорогой и сложный проект даже для магов. Проще сделать тридцать невидимых этажей вверх, чем в обычную девятиэтажку втапливать не пойми что, от чего и у самих сотрудников ум заходит за разум. Сложно вытаскивать стрелу, застрявшую в плече у дико орущего вампала, когда в семи сантиметрах от тебя щекой на тетради валяется московский двоечник, обитающий в заурядской части девятиэтажки, и, капая слезами и соплями на буквы «Дамашние зодание», ноет, что ему ск-у-у-учно. Так и хочется чуток отвести пальцем завесу, чтобы его

повеселить.

Шесть пролётов вверх... ага, ну тут понятно... затем пять вниз и два пролёта по диагонали... Филат остановился. Перед ним минимум десять лестниц шли по кругу, образуя нечто вроде обруча. И какую из них выбрать?

По счастью, на одной из лестниц появилась красивая дева-кешалия, дочь царя туманов. Она была в синем халате магсестры и под мышкой держала магбук. Над ноутом в пространстве летали крылатые значки с рабочего стола. Двигалась кешалия до крайности деловито. Чувствовалось, что в хитросплетениях магболя она ориентируется не хуже скрипучего атланта.

– Ай, ромалэ! Куда идёшь? – спросил Филат.

Кешалия внимательно посмотрела на него чёрными цыганскими глазами и остановилась.

– А ты куда стоишь, чаворо? – спросила она.

– Я сюда стою! – сказал Филат.

Кешалия кокетливо погрозила ему пальцем. На запястье у неё было множество тонких браслетов. Филату захотелось трогать их и перебирать, проверяя, пройдёт ли один браслет сквозь другой, но он прекрасно знал, что делать этого нельзя. Магия кешалий не так уж безобидна.

– Ай, не стой сюда, чаворо! Там тебя ждут два гаджо-бетонта и два гаджо-магзеля! – сказала кешалия.

– Откуда ты знаешь, что меня?

– Ты гаджо Филат, последний стожар! Ты похож на женщину, которую перевели в три-четыре-шесть. К ней никого не пускают. Если я сейчас крикну, чаворо, гаджо-бетонты и гаджо-магзели примчатся сюда в одно мгновение!.. Дай мне десять магров, чаворо, или крикну! – Кешалия смотрела на Филата с вызовом. И правда ведь крикнет.

Стожар отогнал стайку значков рабочего стола, которые, сталкиваясь между собой, носились над магбуком и всё больше напоминали рой ос. Вид у них был до крайности возмущённый. Значкам что-то страшно не нравилось.

– Это твой магбук? – спросил Филат.

– А чей ещё? – вопросом на вопрос с негодованием ответила кешалия.

Филат с сомнением присвистнул:

– Что-то не похоже. Скорее уж кого-то из техномагов.

– Ну да. Я несу его хозяину, чаворо! Он меня попросил! – сказала кешалия.

– Давай вместе отнесём! – предложил Филат. – Или позовём магзелей! Что же ты не кричишь, ромалэ?

Дочь царя туманов облизнула губы:

– Не злись, гаджо! Я пошутила! Ты умный, ты красивый, ты свой! Зачем мне кричать? Лучше я тебе станцую! Отойдём в сторонку! – И кешалия мигом оттащила Филата за колонну.

Мимо, роняя с бороды куски льда и инея, прошёл санитар-хримтурс, тащивший капельницу с вонючей бурлящей жижей.

Дождавшись, пока хримтурс удалится, кешалия трогательно улыbnулась Филату, коснулась пальцем смуглой щеки и, провернувшись на месте, сделала гибкой рукой красивое движение сверху вниз. Браслеты зазвенели. Филат почувствовал, будто в крови у него разом забурлила тысяча крошечных пузырьков, как в бокале с шампанским. Он торопливо провёл пальцем по своим жёстким бровям, забирая себе атакующую магию. Её было где-то тридцать капов – вроде ерунда, а как действует! Ничего, пригодится. Кап магр бережёт.

– Ай, ромалэ! Совсем от тебя голову потерял! Танцуй дальше! Всё рыжё тебе отдам! – воскликнул Филат.

Кешалия перестала танцевать.

– Эх, чаворо! Зелень мою забрал! Чего тебе надо? – спросила она уже не приветливо, а довольно сухо.

– Зачем мою маму туда перевели?

– Твоя мама долго была в Теневом мире. Магзели считают, что она может знать какие-то дороги туда или оттуда. Нельзя вырваться из Теневых миров, а она вырвалась.

– Бред, ромалэ! Я приходил к маме несколько раз! Всё было нормально! Магзели её не трогали!

– Сейчас всё изменилось. Сегодня ночью из Теневых миров пришёл змей. Он разодрал тут кучу уровней, спутал всю магию. Есть жертвы. Считают, что змей приползал к твоей маме, гаджо Филат! Говорят: она его вызвала, потому что хотела удрать обратно в Теневые миры!

– Что за дела,дохлый хмырь! Да я... – Филат стиснул зубы, еле сдержавшись.

Место тут было людное. Практически перекрёсток. По одной из лестниц вампал, уши которого были заткнуты винными пробками, тащил вопящего малютку альрауна. У альрауна было лицо старца и тело младенца. А на ногах корни. «Меня никто не любит! – орал альраун. – Мигом приласкали меня – или я так завизжу, что у вас перепонки полопаются!»

– Почему считают, что змей приползал именно к моей маме? – спросил Филат.

– Потому что именно твоя мама загнала его назад! Она выбежала из палаты ему навстречу и остановила его... Никто не знает, что там у них было, но змей уполз. Он её послушал!

– И раз он её послушал – значит она в сговоре с Фазанолем? Железная логика, ясельный бабай! Если кто-то поставит фонарь циклопу, то он с ним в сговоре, потому что иначе циклоп не позволил бы себе врезать! – вскипел Филат.

Кешалия звякнула браслетами, успокаивая его:

– Не кричи, чаворо! Змей пришёл. Твоя мама ему что-то сказала, он ушёл... Ты знаешь магзелей. У них мысль прямая как проспект! Твоя мама теперь очень слаба, чаворо! У неё совсем нет магии, нет сил. Хримтурсы несли её на носилках! Твоей маме нужно много рыжья, чаворо, чтобы сердце её согрелось! Но магзели не дадут ей рыжья!

– Они её боятся! – сказал Филат горько. – Если бы мама не истратила свою последнюю магию, змей уничтожил бы вашу паршивую лавочку! Она вас всех спасла!

Дочь царя туманов сочувственно коснулась пульса на его руке:

– Будь осторожен, гаджо, если пойдёшь сейчас к ней! Тебя не пустят, ты взбесишься – и попадёшь в беду!

– Я всё равно прорвусь!

Кешалия провела по его пульсу уже не одним пальцем, а двумя. Крошечные пузырьки опять наполнили мысли стожара.

– Тебе решать, гаджо! Тебе нужна вот эта лестница! Но ты воспользуйся не этой, а соседней! Попадёшь в процедурный кабинет. Там сейчас никого нет... Магзели будут за дверью. И бетонты тоже.

– А другого пути к маме нет?

– Это закрытое отделение. Никаких лазеек, даже для тебя. Туда ведёт только одна дверь. И она же наружу. – Кешалия звякнула браслетами, рассмеялась и исчезла, унося с собой окружённый возмущёнными значками магбук.

Направляясь к лестнице, которую показала ему цыганская дева, Филат обнаружил, что кешалия всё-таки стянула у него девять из десяти магров. Но один магр всё-таки оставила, и стожар это оценил. Для дочери царя туманов это жест исключительного благородства. Но теперь на гаджо-бетонта и двоих гаджо-магзелей у него был всего один магр.

Филат поднялся на ступеньку, сделал шаг – и услышал звук рвущейся ткани.

* * *

Процедурный кабинет, в который попал стожар, оказался местечком своеобразным. Открытия техномагии сочетались с дремучими приспособлениями, которые больше подошли бы для грязного сарайчика ведьмы. Грязная бутыл с лягушачьими лапками рядом с новеньким аппаратом для МРТ. Массажный стол с мудрёными электрическими валиками – и тут же огромный многоразовый шприц с иглой толщиной в детскую руку. Ведро с моргающими глазами, таблица латинских изречений, огромный гвоздодёр для удаления циклопных зубов – и рядом отбойный молоток для прочистки слуховых каналов троллям и титанам.

Филат взял гвоздодёр и взвесил его в руке. Против бетонтов, конечно, не оружие. Прокрался к двери и, обнаружив, что она сплошная и щелей не имеет, запустил под неё глазенапа. Глазенап был простеньким энергетическим существом, вызывавшимся заклинанием стоимостью один кап. Глазенап был один, но одновременно их было два, как в паре «частица-античастица». Один глазенап сидел у Филата в ухе, а другой рыскал снаружи и всё сообщал первому. Точнее, не сообщал, а первый сам как-то узнавал. А вместе с ним узнавал Филат. Как это работает, не знал никто. Древняя стожарская магия, крайне опасная и десять раз запрещённая. Главное – чтобы глазенапы не встретились, потому что... однако тут стожарская сказочка никаких подробностей не выдавала. Три восклицательных знака и один обугленный провал в книге.

Филат увидел округлое фойе. У стен, похожие на колонны и такие же неподвижные, стояли бетонты. Они были совершенно одинаковые. Красивые мраморные головы обычных атлантов бетонтам не устанавливались: слишком дорого, да и в бою они служат главной мишенью. Чаще использовались пластиковые головы от манекенов. Жизнь бетонта не сосредоточена в голове – она во всей его фигуре. Пока от бетонта останется хоть что-то, способное выполнять приказ, это что-то выполнять его не перестанет.

Чем их вооружили? Лети, глазенапчик, проверь! А-а, водоглот, плазменник и сглаздамат! Плазменник? Ну дают! Тут же магия многоуровневая, все эти запутанные измерения – и вдруг струя плазмы. На всякий случай стожар взял это на заметку.

У магзелей, конечно, табельные искромёты. По сути, табельный искромёт – то же самое боевое кольцо, только усиленное. Прозрачные ручки, похожие на газовую зажигалку, позволяют легко определить остаток заряда. Пять колец на дуле, закреплённом на штырьке, разгоняют боевую искру. Иногда колец бывает шесть – но так ли важно, попала ли в тебя раскалённая искра, летящая со скоростью восемьсот метров в секунду или чуть больше? Опять же всё зависит от того, чем заряжен искромёт: рыжьём? зеленью? Это можно определить по всплескам внутри прозрачной рукояти. Если взрывные, для нагрудников и антимагов, то высокая скорость не нужна. Искра должна увязнуть и приклеиться.

Филата больше занимал проход в само отделение. С виду обычная дешёвая дверь-«европластик». Филат коснулся краёв глаз, раздвигая их. Способ работал и для глазенапа. Ага... за дверью-«европластик» обнаружилась ещё одна – деревянная, в белой облупленной краске. Филат растянул глаза ещё сильнее. Третья дверь – железная грохотушка, обшитая кожзамом. Четвёртая напоминала садовую калитку, сваренную из чего придётся... Дальше растягивать глаза было уже нереально. И без того Филат понял, что дверей множество. А правильная дверь – только одна из тысячи. И одна из тысячи на выход.

На всякий случай Филат проверил стены вокруг. Глухое экранирование. Нужны тысячи магров, чтобы прожечь тут хотя бы небольшую дыру. Филат приуныл. Он понятия не имел, что будет делать, имея всего один магр. Глазенап метался, ухитряясь заглядывать повсюду. Филат попытался послать его за запретную дверь. Глазенап сунулся было – и отпрыгнул, отброшенный защитной магией. Больше к двери не совался. Магия умеет доступно сказать «нельзя» даже глазенапу.

Тогда Филат занялся магзелями. Их было двое. Первый, с короткими торчащими усиками, скучая, бродил по фойе и разглядывал на стенах живые картины. Второй магзель, устроившийся на банкетке, совсем юный и цветущий, готовился к экзамену. Достав конспект, уткнулся в него и монотонно бубнил:

«Структура магострелкового магтальона. Три магострелковые роты. В каждой – по три взвода сглаздаматчиков. Плазменный взвод. Состав: три магделения – водоглотчики, метатели запусков, метскорсглазы – метатели скоростных сглазов.

Плазменная батарея. Взвод непосредственной магической поддержки – снайперы-штопорники, маги ВБП. Могут действовать в составе магострелковой роты, приданные в качестве усиления.

Разведвзвод. Магделение невидимок, магделение оборотней, магделение разведки боем.

Техномагический взвод. Инженерно-сапёрное магделение, инженерно-техническое и блокировщики. В обязанности блокировщиков входит установка противوماгической защиты. Техномаги могут действовать также в составе разведвзвода.

Взвод магтериального обеспечения. Хозяйственники, магтомобильщики, талисманщики, ремонтная бригада гномов».

Усатый магзель посматривал на приятеля с неодобрением. Ему не нравились выскочки, после года службы лезущие в магфицеры. Того и гляди придётся этой розовой свинке честь отдавать!

Пока Филат соображал, что ему делать, за спиной у него кто-то сочно захрустел яблоком. Он резко повернулся, готовый защищаться. На массажном столе сидела Белава и покачивала хорошенькими ножками.

– Хочешь яблочко?.. Я вот не хочу... После рыбы и улиток трудно переходить на фрукты, – сказала она, протягивая Филату яблоко.

Будь на месте Белавы Пламмель, Филат бросился бы на него, хотя и знал, что с Пламмелем ему не справиться. Но Белава была одна. Прежде, работая на Фазаноля, Филат часто с ней пересекался.

Филат яблоко не взял.

– Брезгуешь, потому что я кусала? – Белава лукаво улыбнулась. Губы у неё были пухлые и опасные. – Прежде мы вроде бы дружили... Ну так с другого боку? Тоже нет? Я не ядовитая!

– Перестань... – сказал Филат, пытаясь всё-таки высмотреть Пламмеля. – Где Пламмель?

– Тебе нужен Пламмель? – удивилась Белава. – А мне вот он надоел! Какой-то, знаешь, деспот! И совершенно не даёт магии! Десять тысяч магров в день – и всё, хоть на коленях его умоляй! Если у тебя нет магии на русалку – заведи себе болотницу, я так считаю!.. – Белава надула губки, не забывая быстро посматривать на Филата. В её кукольных глазах закручивались два водоворота. Смотреть в них было нельзя. Филат это знал, но всё равно оторваться не мог. Если любовную магию кешалий Филат воспринимал как клубящиеся пузырьки газа, то русалочья магия была вязкая и цепкая, как водоросли, которые тянут тебя на дно. Властно тянут: неназойливо – но попробуй выпутайся! Ещё немного – и проклятая русалка полностью его зомбирует. Сколько бедолаг служат русалкам по всему свету! В воду за ними кидаются – а русалки только хохочут и нахлобучивают им на голову тину. Ну глупые рыбины, что с них взять!

Филат попытался оторвать взгляд от ускоряющихся омутов в глазах у Белавы. Не вышло. Белава, почувствовав это, довольно усмехнулась. Тогда Филат перестал сопротивляться и, внезапно буркнув заклинание, уронил за спиной у Белавы металлический ящичек для стерилизации инструментов. По полу раскатились железные щипцы, скальпели и пинцеты. Белава от звука дёрнулась, на миг оглянулась – и зрительный контакт был разорван.

Филат провёл рукой по лицу, переводя дух. Он услышал, что магзель за стенкой перестал бубнить свою структуру магтальона – очевидно, прислушивался. Потом, видно, решил, что шум произвела магсестра, и продолжил бубнеж.

«Магмедицинский взвод. Офицерские должности: маг-целитель, травник. Младшая офицерская должность: шаманщик. Ефрейторские должности: снимальщик чар, помощник снимальщика чар... он же помснимчар. Големские должности: младший фиксатор – держит того, с кого снимают чары. Работа с местными населением, введение противовампирной сыворотки...»

– Ты всегда был хитрый! – сказала Белава весело. – Я тебя подловила, а ты меня обхитрил! И наверняка потратил... сколько ты там потратил?

– Один кап.

Белава наморщила хорошенький лобик:

– А в магре сколько капов? Десять? Как копеек в рубле?

– Здравсьте! Копеек в рубле сто. А в магре сто капов!

– Надо же... Я и правда забыла, сколько капов в магре! – Она засмеялась. Смех у неё был хрипловатый, завлекающий.

– Слушай, – сказал Филат, – видишь тот стеклянный шкаф? Верхние полки перегружены, а нижние почти пустые. Два капа – и он свалится прямо на тебя... Так что брось свои фокусы!

Белава вздохнула. Её похожие на водоросли волосы взвились и опали.

– А если мне не хочется бросать фокусы?.. Так и быть! Уговорил!

– Ты здесь давно?

– Да кто ж его знает! – сказала Белава. – Три дня! Погоди! А в сутках сколько часов? Двадцать четыре? А почему на моих часиках всего двенадцать цифр?.. Ладно, я не забыла сколько. Хотела тебя порадовать. Мужики обожают объяснять тупые вещи.

– Ты здесь одна или с Пламмелем?

– А тебе это правда так важно знать? – умилилась Белава. – Я всегда одна! Брожу по закоулкам магболя. Знаешь, тут можно сильно не прятаться! Сотрудников тут не пойми сколько и никто друг друга не знает! Кто-то увольняется, кого-то затягивает в чёрные дыры! Одних главных врачей тут штук восемь. Главный врач! Призрак главного врача! Клон главного врача! Ещё где-то есть жена одного из главных врачей, которую все зовут главная врачиха, но её я не встречала. Я вообще терпеть не могу баб!

Филат, не удержавшись, сказал, что он это уже почувствовал. После этого повторил вопрос про Пламмеля. Он прекрасно знал, что Пламмель Белаву одну не отпустил бы. Если у Пламмеля и имелись слабости, то эта единственная

слабость сидела сейчас перед Филатом и болтала ножками, на месте которых когда-то был русалочий хвост.

Белава скривилась.

– Пламмель! Где ты там? Он всё время про тебя спрашивает! – капризно окликнула она. – Если я до такой степени никому не нужна, я могу уйти. Только дай мне немного магии... Ну хотя бы тысяч пять!

– На что можно потратить пять тысяч в магболе? Здесь только и есть что паршивый буфет, который весь, включая мебель, можно выкупить за триста магров, – недовольно произнёс кто-то.

Из стены вышагнул Пламмель. Причём вышагнул не там, где был проход на лестницу, а на метр дальше этого места. Чтобы пройти сквозь уровни лабиринтов, надо не просто иметь очень много магии – надо минимум быть элементом.

Пламмель был уверенный в себе, небрежный и победительный. Жёсткие бакенбарды его, толстые как колючки ежа, порой исчезали, превращаясь в пламя. Но сейчас пламя это было не злым, а вполне себе ручным. Просто от полноты сил.

По пятам за Пламмелем двигался Грун. Сейчас он напоминал не чёрную бесформенную кляксу, выплеснувшуюся из чана с протоплазмой, а прорезь в картине, которая стоит у чёрной стены. С последней их встречи Грун не только успел восстановиться, но и явно стал сильнее.

– Не только буфет! Тут ещё парихмагерская внизу есть! – сказала Белава. – Ты же знаешь, это меня успокаивает!.. И ещё там стоит аквариум с редкими рыбками. Называются «гуппи». Я не удержалась и съела несколько штук. Каждая из них стоила триста магров.

– Ско-олько? – удивился Пламмель. На стожара он подчёркнуто не обращал внимания.

– Некоторые даже больше! Ну так мне джинн сказал, который там в фойе убирает.

– Всегда верь джиннам! – похвалил Пламмель. – Джинны не обманут!

– Он мне поклялся!.. Представляешь, у него три жены и восемьсот детей! Он же, кстати, рыбок и пожарил!.. И я ему осталась ещё должна, Пламмельчик! Он ждёт!

– Сколько?

Белава пошевелила пальцами: русалки сильны в обольщении, но не в арифметике.

– Я съела двадцать рыбок!

– Двадцать рыбок по триста магов – это шесть тысяч! – мрачно сказал Пламмель. – Этот джинн из фойе становится мне интересен. Грун поможет тебе расплатиться!.. Грун, не хочешь взглянуть на рыбок-гуппи ценой в шесть тысяч магров?

Грун молча развернулся и полез обратно в дыру. Он протискивался и буквально стирал пространство, искривляя магические линии. «Неужели и мой малыш Груня когда-нибудь таким будет?» – огорчённо подумал стожар. За Груном спешила Белава. Она двигалась как истинная русалка – точно по стеклу и одновременно так, что казалось, будто она ступает по бутонам цветов. Ни одна девушка не умеет ходить так красиво, как ходит расставшаяся с хвостом русалка.

– А я почти поверил Белаве, что она здесь одна! – сказал стожар скорее себе, чем Пламмелю.

Пламмель передёрнул плечами:

– Почему мы верим женщинам? Потому что они сами себе верят. Женщина всегда здесь и сейчас, в этом мгновении – в этом её сила. Белава, например, свято убеждена, что я её угнетаю и что она страдает!

– Ты меня правда угнетаешь, котик! Ты давишь... Ты дико токсичный! – заявила Белава. Последняя фраза донеслась уже из закрывшейся прорези в стене.

Пламмель дошёл до беговой дорожки, с интересом оглядел её и стал тыкать пальцем в кнопки. Дорожка медленно пришла в движение. Пламмель трусцой побежал по ней, не касаясь поручней.

– Вся наша жизнь – бег на месте. А эта штука – лучшее тому доказательство. Уверен, создатель беговой дорожки был величайшим циником, – сказал он.

– Чего вам с Белавой от меня надо? – спросил сторож, стараясь не смотреть на Пламмеля, чтобы не разозлиться. – Здесь моя мама. Настасья и Бермята договорились с магзелями, чтобы её не трогали. Мы думали вскоре вообще забрать её отсюда! И вот вчера кто-то привёл из Теневых миров змея.

Пламмель сокрушённо покачал головой:

– Чисто случайно я наблюдал этот бой издали. Всё было очень... – он поскрёб голый подбородок, выживая слово, – ...эпично! Пенный змей, складная пасть... голубое сияние, бьющее из глаз... Ползает, всё выжигает. Стены прямо насквозь... пшш-пшш! Все бегают! Пациенты, персонал, магзели! И все орут: «Мы погибнем!» А некоторые, представь, действительно гибнут! А посреди всего этого – твоя мама!.. Застыла как изваяние, только вскинула руки и что-то бормочет! А змей ползёт прямо на неё! И ведь магии у твоей мамы было кот наплакал! Я надеялся, она опять возьмёт кредит и уйдёт в минус, а она – нет... не взяла!

Пламмель, словно сам себе не веря, покачал головой. Он привык тратить целую кучу магии, а мама сторожа сделала невероятную вещь всего за несколько магров. И Пламмелю это было неприятно, потому что он не любил сомневаться в собственных силах.

Филат левой рукой сжал запястье правой:

– Мама чуть не погибла. А ты стоял тут с кучей магии и не вмешивался! Хотел, чтобы она взяла кредит.

Пламмель удручённо зацокал языком и сошёл с беговой дорожки. Там, где ступали его ноги, на покрытии остались следы как от горячего утюга.

– Ясень перец! – признал он. – И змея, не отрицаю, привели тоже мы. Нам хотелось увидеть тебя поскорее! Фазаноль вроде бы слышал, что ты взял магический кредит. Так?

Горячий палец Пламмеля коснулся подбородка стожара, задрав его голову вверх. Филат сразу отбросил его горячую руку, но Пламмель и так уже почувствовал всё, что ему было нужно:

– Фазаноль, как всегда, прав! Огромный провал по магии!

– Моё рыжьё как пылесосом куда-то затягивает! Из нашего мира оно явно исчезает. Ты случайно не знаешь куда? – спросил стожар.

Бакенбарды Пламмеля задымили:

– Вот уж чего не знаю, того не знаю! Мы с Белавой просто работаем на Фазаноля. Тут не Голливуд. Он не делится с нами преступными замыслами при свете скрещивающихся прожекторов.

– Фазаноль – жижа, которая течёт где ей хочется и выходит на связь, когда вы ей нужны. Когда вы перестанете быть ей полезны, жижа с вами расстанется. Это не очень сентиментальная жижа, – заметил Филат.

На этот раз ему удалось разозлить Пламмеля. Тот так плеснул огнём, что даже зрачки его разогрелись и покраснели.

– Молчи! – рявкнул он. – Заткнись – или я тебя испепелю!

Филат поспешно замолчал. Он был не из тех, кто делает шаг навстречу человеку, вопящему: «Ещё шаг – и эта пуля твоя!»

Постепенно огонь, охвативший Пламмеля, померк.

– Если ты не в курсе, Фазаноль слышит всё, что относится лично к нему. Его, как ты выразился, м-м... тело... везде и повсюду! И он знает всё, что происходит с каждой его каплей.

– Ну да, – признал стожар. – Например, эта жижа в тебе. Много или мало – другой вопрос, но раз он тебе доверяет, то она в тебе есть. Поэтому если Фазаноль и слышит меня сейчас, то через тебя!

Пламмель подошёл к двери и, сделав Филату знак помолчать, прислушался. Судя по бормотанию, магзель продолжал готовиться к экзамену. Грузно переминались с ноги на ногу бетонты. Они могли бы стоять и вовсе неподвижно, как статуи в парке, но когда переминаешься, магии проще сохранить равновесие всей конструкции.

– Ясень перец! Фазаноль знает всё... А вот у твоей мамы, похоже, сложности. Из закрытого отделения её не выпустят. По сути, это магическая тюрьма, причём бессрочная. И ты ещё на стороне магзелей? Не хочется их поблагодарить?

– Я на своей собственной стороне! – отрезал стожар.

Пламмель усмехнулся. Его бакенбарды погасли, но жар с них перекинулся на рыжие толстые брови, чем-то похожие на брови самого стожара.

– Возвращайся к нам, стожар! Ты нам будешь нужен для одного... – Он спохватился. – Не важно! Просто будешь нужен!

– А если нет?

– Если нет – твоя мама закахнет за этой дверью. Ну а тебя прикончит кредит! Впрочем, не сразу. Ты знаешь правила: немного магии – немного жизни. Право отсроченной смерти. Долг растёт, но ежедневными выплатами ты покупаешь себе немного времени! Ну а мы могли бы дать тебе много! Очень много магии!.. Ты будешь выполнять для нас мелкие поручения, а мы отмажем тебя от кредита...

– ...который сами же мне навязали! Нет,дохлый хмырь! Идите вы лесом! – отрезал стожар. Он хорошо знал, чего стоят все договорённости с Фазанолем.

Лучше уж с кредитом, но на свободе.

На лице у Пламмеля мелькнула досада:

– Ну, уговаривать не буду... Мы как-то долго болтаем. Как насчёт того, чтобы немного повеселиться?..

И раньше чем Филат понял, что задумал Пламмель, тот с силой пнул ногой дверь. Выждав пару секунд, пока магзели и бетонты всполошатся и сделают шаг в сторону двери, Пламмель вскинул руку. Бронзовая змейка, обвивавшая его палец, полыхнула тройной рыжей искрой.

– Сносус таранус!

Дверь пронеслась в фойе, как пробка из бутылки с шампанским. Старшего из магзелей она сбила с ног и впечатала в бетона. Магзель пострадал гораздо больше, хотя вмятина в стене осталась именно от спины бетона.

Молодой магзель, тот, что готовился к экзамену, успел броситься на пол и в панике палил из искромёта через стену. В процедурке всё разлеталось вдребезги. Улетело со стола ведро с глазами. Лопнула бутыл с лягушачьими лапками. Перевернулся простреленный в трёх местах массажный стол.

Но Филата сейчас больше беспокоили бетонты. Водоглота он не особенно опасался: оружие грозное, но неповоротливое. Сглаздамат даёт рикошеты, а вот если бетонт пустит в ход плазменник – он тут всех накроет, а заодно и снесёт полэтажа. Чтобы стрелять здесь плазмой – нужно быть идиотом. Или бетоном.

Пламмель перекатился через велотренажёр, который, получив очередь из искромёта, уже оплывал жидким металлом, и оказался рядом со стожаром.

– Это чтобы тебе проще было определиться, с кем ты! – шепнул он и, ухмыльнувшись, ласточкой бросился прямо в стену, применив капapultум когтерватус – дорогое заклинание быстрой телепортации на малое расстояние.

Стожар последовать за ним, разумеется, не смог. Что он мог сделать на один маг, да и то, кажется, уже неполный?

– Открываю огонь на поражение! Бросайте оружие, или будете уничтожены! Десять секунд на размышление... девять! – взревел из всех динамиков бетон. Чувствовалось, что он сейчас откроет огонь из чего угодно по чему попало.

«Дохлый хмырь! – подумал стожар. – Допустим, я сдамся!.. Потребую вызвать Нахабу, а дальше я знаю, что будет. «Признавайся: что ты тут делал?» – «Я тут ни при чём. Дверь вышиб Пламмель». – «А, так ты был с Пламмелем? И что вы с ним задумали?»»

Внезапно Филат вспомнил, что его глазнап всё ещё летает. Большой соблазн отправить двух глазнапов навстречу друг другу – но тогда накроет и Филата, и маму, и несколько этажей магболя... Нет, так нельзя! Но можно по-другому.

– Зумус очкатус... – шепнул Филат.

Дешёвенькое увеличивающее заклинание. Всего десять капов. Но глазнап теперь будет увеличиваться до тех пор, пока его не увидят. И его увидели и, конечно, не сразу разобрались, что это такое. С той стороны двери слышались крики магзеля и рёв бетонов. Затарахтел сглаздамат. Слепящими очередями забил искромёт. Одиночно и страшно ухнул водоглот. Как Филат и надеялся, у молодого магзеля сдали нервы. Опытный магзель на эту ловушку бы не попался, но он ещё не очнулся. Молодой же, обнаружив в помещении что-то быстрое и мечущееся, не раздумывая открыл огонь. Бетоны последовали его примеру.

За глазнапа Филат не тревожился. Попасть в глазнапа не легче, чем после вопля «Руки вверх!» подстрелить дробью одиночно летящий фотон. Подождав, пока молодой магзель и оба бетона хорошенько постреляют, Филат произнёс заклинание паники Всёпропалус, входящее в список запрещённых.

Бледная зелёная искра проскользнула под дверь и сухо лопнула с другой стороны. Несмотря на то что сам Филат закрыл глаза и заткнул пальцами уши, на несколько секунд его накрыло волной тоски, которая быстро перешла в панику. Захотелось забиться под диван, а потом выскочить и бежать сломя голову, издавая бессвязные вопли.

Но всё же Филат с собой как-то справился, а вот молодой магзель оказался не готов. Бросившись на пол, он за- орал бетонам:

– Нас окружили!.. Магзель в опасности! Выводите меня отсюда!

Для любого бетонта приказ магзеля с действующей бляшкой является приоритетным. Первый бетонт немедленно схватил магзеля в охапку и бросился к лестнице. Второй, отступая, с двух рук стрелял из искромёта и сглаздамата. На самих бетонтов заклинание паники не подействовало.

Подождав, пока они умчатся, Филат торопливо выскользнул из процедуры. Усатый магзель, врезавшийся в бетонта, лежал у противоположной стены без чувств. То, что Филат искал, обнаружилось в верхнем кармане сразу под антимагом. Средних размеров ключ с жёлтой неподписанной биркой.

Держа ключ в руках, Филат метнулся к двери в отделение и решительно сунул его в замочную скважину. Повернул – услышал щелчок замка. Пластиковая дверь исчезла. Появилась деревянная, в облупившейся краске. Ключ в пальцах у Филата мгновенно превратился в маленький французский ключик. Филат открыл и этот замок. Дальше была железная дверь-грохотушка. И ещё одна дверь, которую Филат открывал уже громадным ржавым дачным ключом, выглядящим так, словно он долго лежал под камнем у калитки.

Орудяя ключами, стожар лихо расправился с дверями. Они мелькали, сдираясь, как шелуха лука. Перед Филатом появлялись и пластиковые двери кафе, и низенькие калитки, и двойные межкомнатные двери со шпингалетом. Теперь главное было не замешкаться. Всё зависело от того, заподозрит что-то дверь или не заподозрит. Если не заподозрит, то, испытав Филата первым десятком преград, пропустит внутрь. Если заподозрит – будет менять двери до бесконечности.

С девятой дверью, обитой утеплителем, Филат провозился довольно долго, начав проворачивать ключ не в ту сторону. Уверенный, что всё безнадежно завалил, он чуть подался вперёд. Ожидая следующей двери, хотел опереться о неё, но ладонь встретила пустоту, и, теряя равновесие, он провалился вперёд. Перекатился, вскочил, готовый и атаковать, и защищаться.

Но не пришлось делать ни то, ни другое. То, что он увидел, было очень обыденно. Он очутился в небольшом коридоре. Справа – шкаф в стене. Слева – душ и туалет. Из текущего крана в раковину капали ржавые слезы. Пахло хлоркой. Стояло ведро, подписанное «Отд. № 1». Из ведра торчал непонятный

огрызок веника.

Филат оказался перед блоком из двух палат со стеклянными покрашенными дверями. Найдя плохо покрашенное место, он заглянул в левую палату и увидел две пустые кровати. Перешёл к соседней двери и, даже прежде, чем отыскал, куда посмотреть, услышал мамин голос.

Торопливо толкнул дверь, не проверив защитной магии. Для сторожа непростительно, но обошлось. Палата была узкая, на две кровати. На стене – пара черно-белых гравюр и пожелтевшая бумажка с правилами пользования кипятивником. Первый пункт строго запрещал пользование кипятивником. Второй требовал внимательно следить за ним, а третий – выключать его из розетки. Мама, в джинсах и свитере, лежала на правой кровати поверх одеяла. Под спину ей были подложены подушки.

Указательным пальцем правой руки мама делала быстрые движения по воздуху, закручивая крошечный цветной вихрь. Затем убирала палец, и в воздухе повисала вращающаяся спираль. Осторожно, чтобы не коснуться спирали, мама Филата несильно взмахивала левой рукой. Потом легонько дула, отсылая спираль по воздуху к соседней кровати.

На соседней кровати сидела молодая кешалия в пёстром платке, наброшенном на плечи поверх халата. Зыркала, как и все кешалии, немного исподлобья и очень хитро. Подлетавшую к ней цветную спираль она подхватывала пальцем, закручивала её ещё сильнее и отсылала назад маме сторожа. И так раз за разом, пока кто-нибудь не ошибётся.

Это была древняя как мир магическая игра в «капы». Правила игры в «капы» просты. Стоимость каждой спирали – один кап. Пока спираль летит, нужно разгадать магию, перехватить её, закрутить и отослать назад. С каждым следующим запуском спираль ускоряется, порой причудливо закручивается, что требует от ловящего ловкости. Если ты её не так раскрутил или блокировал – слышится сухой хлопок, и все начинается заново.

Мама Филата была скуластая, невысокая. Ноги крепкие, руки худые. Брови, как у сына, пушистые, почти сросшиеся. Тоже похожи на выстриженные клочки из шубы, но не так дерзко торчащие в разные стороны. Одна бровь прорезана тремя расположенными рядом шрамами – точно лапой когтистой полоснули.

Если взглядеться – мелкие шрамы были у неё и на руках. На запястьях – кольца охранных татуировок с изображением хищных рыб, плывущих навстречу друг другу.

Филат бросился к маме.

– Как ты? – взволнованно спросил он. – Я думал, что ты...

– Недавно пластом лежала! Могла только открывать и закрывать глаза. Рита двигала меня как мебель, – подтвердила мама. Она наконец закрутила спираль и послала её кешалии. – Это и есть та самая Рита. Мой маг-целитель. Некоторое время она важничала, но потом мы с ней нашли общий язык.

Воспользовавшись тем, что мама смотрит на Филата, кешалия Рита послала ей спираль, коварно закрутив её так, что она летела под наклоном. Мама не глядя перехватила её и, ускорив, отослала назад. При этом она едва заметно дёрнула пальцем, формируя на спирали крошечный узелок. Сгусток магии ценой самое большее десятая доля капа. Кешалия, торжествуя, перехватила спираль в воздухе, но этого узелка не заметила. Послышался хлопок.

Рита подпрыгнула на скрипнувшей кровати и ударила кулаком по подушке. С головы у неё слетела шаль. Волосы у неё были длинные и ниспадали как горный поток.

– Ах! – сердито и одновременно восхищённо крикнула кешалия. – Опять ты выиграла! Как ты это сделала? Дэ мангэ подыкхав!?[1 - Дай мне посмотреть! (цыг.)]

– Раньше надо было смотреть!

– Дай отыгаться!

– Отыгрывайся! Только сначала отдай мне десять капов! – потребовала мама.

– Отдам, когда отыграюсь! – быстро ответила кешалия.

– Нет, сейчас! В долг не играю.

– Дава тукэ миро лаф!?[2 - Даю тебе слово! (цыг.)]

– Ту хохавэса, мэ джином!?[3 - Ты врёшь, я знаю! (цыг.)] – хладнокровно отозвалась мама.

Рита усмехнулась и, коснувшись её запястья, отдала маме десять капов. Филат не поверил своим глазам. Получить что-то от кешалии, пусть всего десять капов, – сроду такого не было!

Мама за запястье привлекла к себе Филата и взлохматила ему волосы:

– Как ты сюда пролез? Разве там нет магзелей?

Филат вкратце рассказал ей, почему их там нет. Мама стала серьёзной. Спираль, посланную к ней кешалией, она машинально подхватила пальцем и теперь закручивала её, видно, совершенно о ней позабыв. Спираль, которую давно пора было запускать, разгонялась как маленький вихрь. Кешалия наблюдала за ней с тревогой. Остановить такой ураган было почти нереально.

– На кэр акадякэ!?[4 - Не делай так! (цыг.)] – испуганно крикнула Рита и, присев, закрыла голову руками.

Мама, спохватившись, отправила спираль в стену.

Стожар спохватился, что они безнадёжно теряют время. К магболю наверняка неслись магшины магзелей.

– Идём со мной! Надо быстро уходить! У меня ключ! Давай! – сказал стожар, пытаясь увлечь маму за собой.

– Давай без «давай»! – Мама медленно покачала головой. – Лунный змей высасывает силы. Ты не смотри, что я тут в «капы» играю. Десяток шагов – и начинает кружиться голова. Поэтому мне лучше пока здесь. Фазанолу вытащить меня отсюда будет непросто. По магии я на нуле. Да и ты, я вижу, тоже!

Филат знал, что мама умеет определять количество магии на глаз, без всякого сканера. Редкий навык, который приходит с опытом.

– Пламмель притащил сюда змея, чтобы ты ушла в ноль?

– Приманил его какой-то моей вещью. Хотел, чтобы я не просто ушла в ноль, а взяла бы очередной кредит. Фазанолу нужен стожар.

– Зачем?

Перехватив подлетающую к ней спираль, мама окольцевала её края, превратив спираль в окружность. Теперь спираль вращалась на месте с дикой скоростью. В середине её возникла пустота, втягивающая в себя небольшие предметы. И всё это за один кап! Кешалия, подавшись вперёд, смотрела с восторгом.

– Вот о чём я думаю. Фазаноль уничтожил множество магических существ и контролирует огромное количество рыжей магии. Но несмотря на это, он всё ещё уязвим и вынужден прятаться. Выходом для него стали бы Теневые миры. Из них он смог бы совершать внезапные налёты и так же быстро скрываться. Прошлую схватку мы про- играли. Теперь у него есть оборванные корни баранца – дороги, ведущие в сердцевину Теневых миров.

– И он может по ним путешествовать!

– Пока что нет. Фазанолу нужен транспорт. Что-то, связующее Теневые миры и наш. Магическое существо. Или скорее его дар, который он может получить, если убьёт это существо.

– Почему ты так решила?

– Логика. Скоро заварится большая каша! Будь осторожен... Если я права и речь действительно идёт о каком-то магическом существе Теневого мира, Фазанолу нужен будет стожар и, возможно, кто-нибудь с даром твоей Евы!

Филат вспыхнул:

– Почему моей? Она не моя! Мне на неё наплевать!

Кешалия Рита быстро на него взглянула и опустила глаза, скрывая улыбку.

– Поспеш, чаворо! – сказала она. – Мой браслет разогрелся. Магзели где-то рядом.

Мама притянула к себе Филата, прижала его голову к своему плечу, а потом легонько толкнула его в лоб по направлению к двери:

– Беги! Если какой-то магзель сюда сунется – Рита его затанцует. А мне просто оставь потом ключ!

Филат, пригнувшись, бросился к двери и, орудуя ключом, торопливо стал открывать её многочисленные отражения. Справившись с дверью, он бросил ключ маме. Затем кинулся в процедурку, быстро пересёк её и, услышав треск разрываемой вощёной бумаги, просочился на лестницу. В магболе царила паника. Кешалии, хримтурсы, болотницы и прочие сотрудники магболя спешили убраться куда подальше. Снизу уже слышался топот каменных ступней бетонтов. Бетонтов много чему можно научить, но вот ходить тихо – практически нереально.

Смешавшись с толпой, Филат тоже стал вопить, метаться и размахивать руками. Толпа с радостью приняла его за своего и вместе с юным стожаром продолжила заниматься той же деятельностью, а именно – создавать панику, которую заботливый Филат усилил двойным заклинанием Всёпропалус. Он не рассчитал, и заклинание накрыло и его тоже.

Он бежал и плакал, жалея маму, оставшуюся за кучей ускользающих дверей под присмотром кешалии. Дряхлый атлант на вахте проводил Филата прощальным взмахом руки и несколько раз, порываясь крикнуть что-то, открыл и закрыл нижний ящик тумбочки, заменяющий ему рот.

Спустя несколько минут стожара рядом с магболом уже не было.

Помогите страдающим сироткам!

– Как надо искать жену? Идёшь куда-нибудь и высматриваешь девушку, которую облепили дети. Тянут в разные стороны и ужасно орут. Подходишь к ней и спрашиваешь: «Детей любишь?» Если девушка говорит: «Терпеть не могу этих мелких пройдох! Они мне ничего делать не дают!» – то это та, которая тебе нужна. Если она говорит: «Очень люблю! Детки – это такое чудо!» – убегаешь со всех ног.

Бермята

Сосредоточься, читатель! Прояви терпение! Впереди пейзаж. Москва. Она же, если взглянуть попристальнее и слегка растянуть уголки глаз, Магсква. Первые числа декабря. Вечер. Падают и сразу тают хлопья мокрого снега. По Садовому кольцу ползут машины. Рядом со сталинской высоткой – зоопарк, он же Магзо. В Магзо охраняются редчайшие магические существа, до которых давно пытается добраться Фазаноль, а ещё – за жизнь посетителей там никто ответственности не несёт.

На Садово-Кудринской, прижавшись к соседней пятиэтажке, стоит маленький особнячок, похожий на буфет из красного дерева. Все думают, что во внутреннем флигеле во дворе этого дома – только музей Чехова, но на самом деле ещё там живут Настасья и Бермята – лучшие сыщики Магсквы, не раскрывшие ни одного преступления. Это уже добавление Настасьи, которая обожает поскромничать, но при этом терпеть не может, когда с ней соглашаются.

Настасья сидела в гостиной рядом с овальным столом, который брат Чехова уволок у издательницы журнала «Будильник», и маникюрными ножничками дырявила носки. Нужно было продырявить не меньше десяти пар. Домовой Еремеич обожал штопать. Он настолько увлекался штопкой, что можно было потихоньку выкинуть мусор, который в ином случае Еремеич затащил бы обратно в дом. Дом и без того был настолько завален хламом, что пространственный карман, отделяющий его от музея, временами прорывало, и на головы посетителям музея сыпались пустые банки из-под кабачковой икры и

пластиковые крышки, которые Еремеич заныкал где-то в складках пространства. Порой среди современного мусора попадались старые аптечные пузырьки, подписанные на латыни, которые Еремеич помешал выкинуть ещё доктору Чехову.

Рядом Бермята уговаривал сломавшийся миксер, постукивая по нему пальцем:

– Ну будь мужиком! Пожужжи ещё немножко! Подумаешь, провод оборвался! Ты меня уважаешь?

Миксер загудел. Бермяту уважали все вещи, с которыми он входил в контакт. Кто сказал, что нельзя разговаривать с перегоревшей лампочкой? Её все только ругают, а нормально поговорить с ней может один Бермята!

Большая пейзажная картина, висящая на стене гостиной, преобразилась в экран. На экране возник юркий одноглазый человечек, смахивающий на брачного афериста – черноволосый, в начищенных до блеска ботинках, в ярком красном галстуке, с розой в кармане костюма и с увесистым микрофоном в руке.

– Снова здрасьте, роднуши вы мои! С вами Маг-ТВ и его бессменный ведущий Глызя Косорыл! – затарахтел он. – Да-да, друзья, с этого дня с вами буду только я! Зуза Приплюснутый, второй ваш любимый ведущий, навеки покинул нас! Кто-то подослал к нему чесунца! Вы ведь не забыли, кто такой чесунец, правда? Если чешется спина в том месте, где почесать нельзя, произнесите «чечунс аббонс». Две зелёные искры по шесть магров каждая – и появится закованное в окровавленные латы чудовище, которое почешет вам спину железными когтями, после чего с томительным вздохом исчезнет. Заза пережил сильный стресс, и в состоянии этого стресса он случайно принял порошок гадливости! Скверное лекарство, роднуши вы мои! Если принять его, человек начинает испытывать гадливость ко всему, что раньше было ему дорого. И вот Зуза возненавидел лучшую страницу в своей жизни – Маг-ТВ! Теперь он неизвестно где! Более того – чтобы никто его не беспокоил, он использовал адресоменатель! Жуткий артефакт! Меняет любые адреса: электронные, домов, улиц, даже адрес прописки в паспорте. – Глызя Косорыл подпрыгнул, прищёлкнул ножками и, выскочив из пейзажа, преспокойно уселся на его раме. – Ещё магвости! Один из последних пауков Ариадны найден в Подмагское со сдувателем в голове. В пауке не было ни капли рыжья. Неоспоримые улики свидетельствуют, что это дело рук Фазаноля. Преступление странное, поскольку у пауков Ариадны не так уж много первичной магии. В то же время, по свидетельству экспертов,

путеводная нить, изготовленная из паутины Ариадны, позволит Фазанолу или кому-то из его приспешников проникать в Теневые миры и, главное, находить из них выход! – Глызя ласточкой прыгнул в картину и, сев на шпагат, очаровательно улыбнулся зрителям. – Минута рекламы! Не отключайтесь, умоляю! Наша реклама, как говорит моя начальница, ужасная женщина, лучше нашего эфира!..

В рамке картины возникли три мрачных мускулистых гнома со сломанными борцовскими ушами. У одного была бензопила, у другого – дубинка с гвоздями, третий небрежно жонглировал динамитными шашками.

– Три гнома – Саша, Паша и Каша! – заорал Глызя, возникнув между ними. – Очень крутые маленькие парни! Знакомьтесь: все вместе они – «СЛУЖБА НАКАЗАНИЯ ПРЕДМЕТОВ, О КОТОРЫЕ ВЫ УДАРИЛИСЬ». Выезжают на ваш вызов. Потрошат диваны, ломают табуретки, пилят их, разбивают в щепки, стирают в порошок. Получают магры и удаляются. Вызвать Сашу, Пашу и Кашу можно заклинанием «ачтобтебятус!». Не спускайте стулу, что он вас ударил! Ваше чувство мести будет удовлетворено!..

Глызя ещё говорил, но уже размахивал руками, привлекая внимание кого-то, находящегося за кадром:

– Следующий рекламный ролик, пожалуйста! Я сказал «пожалуйста»! Вот спасибо! Это был первый случай, когда ты услышал моё «пожалуйста»!.. А вы, brave парни, идите! Охрана, проследите, оплатили ли они рекламу!

Саша и Каша послушно удалились. Паша попытался остаться, посылая кому-то привет, однако Глызя, изображая, будто дружески обнимает его за плечи, выволок гнома из кадра. Сосенки на пейзаже сменил песок. Вдали кучка пальм изображала оазис. По пустыне к оазису тянулся длинный караван. Внезапно неизвестно откуда выскочила толпа оборванных разбойников и со всех сторон устремилась к каравану. Завизжали женщины. Купцы попадали на колени, в мольбе вскидывая руки.

– Ужас! – закричал Глызя, с микрофоном в руке возникнув в толпе разбойников. – Неужели эти бедняги обречены? А вот и нет! Представляем вам меч-кладенец! Разрубает до двух разбойников за раз! Отбивает на лету стрелы! Умеет отражать колющие и рубящие удары!

В кадре появился искривлённый меч с восточной вязью. Глызя схватил его и с необыкновенной лёгкостью отбил несколько стрел, которые посыпались на него с разных сторон. Ещё секунду спустя он оказался рядом с высоким купцом, который обломком копья отбивался сразу от трёх разбойников.

– Купи меч, роднуша ты моя! Всего три тысячи!

– Не куплю! Дорого! – прорычал упрямый купец. Разбойники набросились на него, и он исчез.

Глызя схватился за голову:

– Уважаемые зрители, зрите ли вы это? Он отказался от меча и унёс свои сокровища с собой в могилу! Не окажитесь на его месте! Предлагаем этот меч вам всего за девять процентов годовых! Умоляю, не пренебрегайте своей безопасностью и безопасностью своих близких! – И, упав на одно колено, Глызя протянул меч зрителям.

Еве показалось, что волшебный меч, покинувший картину, повис посреди комнаты, совсем близко от неё. Она протянула руку, чтобы его коснуться, но Бермята вовремя бросился на Еву и сшиб её с ног.

– Хочешь те же проблемы, что у Филата?! Зачем тебе эта ржавая железяка, да ещё под девять процентов годовых?! Плюс обязательная страховка жизни и здоровья в обществе «Рабкредит»! Да ещё кучу всего прилепят к мечу, вроде обязательных ножен с фальшивыми бриллиантами! – сказал Бермята, зыркнув на ведущего Маг-ТВ.

Глызя сделал вид, что не услышал. Однако меч, недавно столь восхваляемый, втащил назад в картину и отбросил с большой небрежностью, будто это и правда была никчёмная железяка. Одновременно с этим с пейзажа исчезли и пески с верблюдами.

– Конец рекламы, роднуши вы мои! Спасибо всем, кто сделал выгодные покупки и стал счастливым обладателем артефактного оружия! Переходим опять к магвостям! – Голос у Глызи стал очень язвительным. Полным ехидства жестом он поправил красный галстук. – Недавно магзели в очередной раз отчитались о полной победе над Фазанолем. Невер Нахаба выступил по этому поводу во

ВСЕСТРАМАГе!

На картине появились всё тот же вездесущий Глызя и обвитый шнуром его микрофона Нахаба. Толстый и красный, Невер что-то торжественно вещал. Круглое лицо его напоминало помидор, утыканный жёсткой щетиной. На несколько мгновений в кадре возник зал, наполненный деревяшками, которые старательно изображали публику. Один из деревяшек потихоньку пил удобрения, но, попав в кадр, смутился и бутылочку убрал.

– Да-да, дорогие мои! Если мне не изменяет склероз, это уже пятая победа магзелей над Фазанолем в текущем году! И как стало ясно после гибели паука Ариадны, не последняя! – насмешливо сказал Глызя.

– С Фазанолем – как с немецким танком «Фердинанд»... – влез Бермята. – Их всего-то было построено девяносто штук, а подбито штук четыреста!

– Это как? – удивилась Настасья.

– А так. За «Фердинанда» сразу давали орден, поэтому стоило бедному «Фердинанду» хоть издали приблизиться к полю боя – на него сразу набрасывались артиллеристы, лётчики, пехота и разведка. Вначале авиация разбомбит, затем артиллерия накроет – и тут же разведка гранатами закидает. И каждый доложит об уничтожении. А то и «Хуммеля» какого-нибудь подобьют или «Мардер» – и тоже их пишат как «Фердинанд». Такой же сарай с торчащей пушкой, только орден за него не положен. Под конец немецкие танкисты и близко боялись к своим «Фердинандам» соваться. – Бермята щёлкнул пальцами, и Глызя с пейзажа исчез. Теперь это был вид на Замоскворечье, висевший тут со времён Чехова.

Настасья вернулась к носкам, продолжив мирно дырять их ножничками:

– Этот Глызя тот ещё фрукт! Когда-то он начинал как сыщик-любитель!

– Глызя? Сыщик? Это трепло? – недоверчиво спросил Бермята.

– У него дар разнюхивать разные магвости. А вот преступления распутывать не умеет. Слишком богатое воображение. Увидит какой-нибудь матрасик – и

начинает: «Всё яснее ясного! Теперь я знаю, роднуши вы мои, где грабители спрятали награбленное!» – «Да где?» – «Матрасик есть? Банк ограблен? Все магры в матрасе!» Магзели, конечно, распарывают матрас по швам, находят в нём три неразменные монетки, зашитые кем-то лет тридцать назад, и Глызя потом всем трубит, как раскрыл преступление! Со временем такая халтура надоела даже магзелям, и Глызю перестали воспринимать всерьёз. Он обиделся и ушёл на Маг-ТВ. Вроде бы карьера идёт в гору!

– Паук Ариадны! – сказал Бермята.

– БлагодарУ! Про паука я не забыла. Да, тут Глызя прав! Магия у него не ахти, но это была узкоспециализированная магия! Путеводная! Целая куча паутины, тонкой, как лунной луч, и невероятно прочной. Фазаноль теперь сможет проникать в Теневые миры глубже, чем прежде. Фазаноль отыгрывает у нас фигуру за фигурой!

– Но зачем ему паутина, если у него были корни баранца?

– Корни – это дороги. А не ко всем местам Теневых миров ведут дороги... Фазаноль всерьёз взялся за Теневые миры! Если я ошиблась хоть на один кап, тема красавиц и умниц была раскрыта в моём лице не полностью! – отрезала Настасья.

Стожар вспомнил разговор с мамой. Мама тоже считала, что преступление Фазаноля будет связано с существом из Теневых миров.

С улицы доносились равномерные звуки метлы. По маленькому дворику, довольно поскрипывая, бродил кособокий, похожий на шишку лешак Лёша. Сейчас он был в мирном настроении и поэтому нормального размера. Когда же он злился, то мог вымахать с дуб, и связываться с ним тогда не рискнул бы и Нахаба. Сказочникам не нужно зубрить заклинания, чтобы превратить тебя в кучку листьев или запустить через три дома кувырком.

* * *

Ева стояла перед круглым, с трещинкой, зеркалом и сердито раскачивалась с носка на пятку. На своё расширившееся лицо, на нос, изобилующий сальными

железами, поглядывала с недоверием. Неужели это и есть тот самый скудельный сосуд, в котором притаилась душа? Какой-то не такой сосуд! Нет, не она это! Внутреннее ощущение у Евы было такое, что она какая-то более трепетная, что ли. И ноги могли бы быть поизящнее, и руки. И тело менее круглое.

Нет. В неё никто не влюбится. Никогда. Ну и ладно. Плевать. Она полностью посвятит себя магическим существам. Она будет гладить и спасать зверушек, а они будут давать ей отличное рыжье. Магия благодарности!

Сердито отвернувшись от зеркала, чтобы наказать его своим невниманием, Ева плюхнулась на широкий подоконник и стала зубрить ветмагию. Ветмагия зубрилась плохо. Классификация магических существ путалась в голове, тем более что составлена она была в пятнадцатом веке и, разумеется, на латыни. Еве хотелось жаловаться.

– Меня игнорит Звенидраг! – сообщила она Настасье. – Я ему по десять раз в день сбрасываю сообщения «Хочу замечаний! Критики жажду!», а он не отвечает! Даже не проверил те двести восемь выполненных домашних заданий, которые я выслала ему вчера!

– Ветмагия – это твоё всё! Тут ты далеко пойдёшь, если не охладеешь! – сказала Настасья, забрасывая за спину длинный шарф. – Но лучше бы с таким же рвением ты учила боевые заклинания! Твой экзитус леталис так кошмарен, что хуже него только твой же копыто отбрыкус!

Ева поморщилась. Обычную магию, в отличие от ветеринарной, она терпеть не могла. Есть девушки, которые любят стирать. Есть девушки, которые любят готовить. Есть девушки, которые любят пылесосить, но не любят стирать и готовить. И существует, наконец, Ева, которая любит и стирать, и готовить, и мыть посуду – но только тогда, когда за ней охотится деревянный молоточек с синей пищалкой: голос совести. Кладёшь на стол огурец и раз за разом атакуешь его заклинанием «экзитус леталис». А рядом со спинки кресла котиком свисает Филат, который терпеть не может использовать мебель как все нормальные люди и насмехается, что для таких магов, как она, давным-давно изобретена волшебная палица с шипами. Произносишь «фруктос капутос», шарахаешь по огурцу палицей – и радуешься собственным успехам.

– Бесплезно. С Фазанолем мне всё равно не справиться, даже если я выучу парочку заклинаний, – сказала Ева.

– Да-а-а, – протянула Настасья. – Тут, конечно, логика железная! Ты как наш Бермята, который говорит: «Зачем я буду качать пресс, когда всё в мире решают атомные ракеты?»

К Еве подошла Гризельда и, выдохнув клуб дыма, опустила ей на колени свою львиную голову. Её козья голова тем временем жевала шторы. Несколько месяцев назад Ева умерла бы со страха, потому что Гризельда была химерой, а теперь лишь потрепала её по шее. От удовольствия у химеры почти полностью исчезли глаза. Её мурлыканье напоминало дребезжание железного корыта, которое прицепили к машине и куда-то волокут. Хлопнула дверь. Козья голова Гризельды перестала жевать шторы и не в такт пошевелила ушами.

– Филат вернулся! Она всегда так делает, когда он приходит, – сказала Ева.

И действительно, это вернулся Филат. Целыми днями он где-то пропадал. Был постоянно озабочен поисками магии, чтобы платить по кредиту. Встречался с какими-то непонятными типами, которых уклончиво называл «мои друзья», но с которыми никого не знакомил.

– Так познакомь нас с ними, если это друзья! – говорила Настасья.

– Нет. Я никогда не знакоблю своих друзей между собой, – уклонялся Филат.

– Почему?

– Если я познакомлю, это будет какая-то фигня.

– А если не будет никакой фигни?

– Ну, пятьдесят процентов, что однажды будет какая-то фигня. Если не будет фигни – обо мне не вспомнят. Если будет фигня – обо мне вспомнят в первую очередь и я потеряю двоих друзей разом. И зачем мне эта фигня? – отвечал Филат.

Сейчас Настасья внимательно посмотрела на Филата и прищурилась:

– Ну и где ты был сегодня? Опять у друзей? Надеюсь, не ходил в лавку к Страхилу?

– В Дом-утюг? – спросил Филат и усмехнулся. – Ну как же не ходить-то, когда рыжьём платят?

* * *

Дом-утюг был на всю Москву знаменитый дом, о котором писал Гиляровский. Та самая Хитровка, она же Кулаковка, где находилась жуткая, каторжным людом заселённая ночлежка. «Утюгом» его прозвали оттого, что узкий, на сужение утюга похожий конец его выходил на Хитровскую площадь. Когда-то на этом месте располагалась 3-я Московская мужская гимназия. В 1869 году этот участок земли приобрёл инженер-капитан Ромейко. Он-то и выстроил Дом-утюг, занявший целый квартал. Зловонные корпуса, лестницы, ведущие в никуда, длинные неосвещённые коридоры, непонятные чуланы, дыры в стенах, лазейки, закутки. Какой там лабиринт Минотавра! Здесь заблудился бы и сам Минотавр и бродил бы, завывая, по коридорам, пока крутые нравом и вечно голодные жители ночлежки не сделали бы из него шашлык.

Разумеется, и маги не упустили такой дом из виду. В своём роде он не уступал дому-«Титанику». Во множестве пространственных карманов, расположенных в закутках бывшей ночлежки, было разбросано огромное количество сомнительных лавчонок. Купить в этих лавчонках можно было всё – от перхоти привидений и голема-раба до охранного копья, прикованного к камню и убивающего всякого, кто не знает отводящего заклинания.

Магические лавчонки, конкурируя друг с другом, активно занимались скупкой краденых артефактов, пользуясь тем, что спрятать в Доме-утюге можно было всё что угодно. Где-то здесь, в сырых закоулках, бесследно сгинула одна из последних птиц Рух, кормившая, как известно, своих птенцов слонами.

Лавка Страхила была самая известная из всех лавок Дома-утюга. Занимала она целый этаж во внутреннем флигеле. Первое помещение было вполне себе респектабельное, чистенькое. Здесь угощали пищащими пирожными и работали

приятнейшие продавщицы-кикиморы с растущей на голове травой и подчёркнуто вегетарианской внешностью, не очень гармонирующей с треугольными зубами.

Во втором помещении, с каменными глухими стенами, с длинными железными полками, тянувшимися от стены до стены, и стеклянными противопожарными витринами, обитал сам Страхил – элементаль огня, крайне вспыльчивый и горячий. Длинная алая борода его поджигала всё, чего касалась. Здесь продавались всевозможные артефакты, часто сомнительные, вроде мушки-ворюжки, отмыкающей все замки, цепочки покорности и жуткого карандаша. Карандаш был похож на огрызок обычного карандаша. Им можно было преспокойно записывать любые слова, кроме страшных. Нельзя писать «фарш», «ужас», «кошмар» и вообще любое подобное слово. В книге, рядом с которой впервые обнаружили этот карандаш, около слова «жуть» с недописанным мягким знаком было красное пятно и не хватало мягкого знака.

Существовало у Страхила и третье помещение, в котором он хранил разного рода испорченные артефакты, скупленные за бесценок. Ими у Страхила был забит целый подвал, и он нанял стожара, чтобы разбирать их и чинить всё, что возможно. Из прочего же – вытягивать рыжью. На эту опасную работу найти желающих было сложно, и Страхил нанял Филата.

– Сегодня я умирал копьё Ахилла. Милый артефактик, но, к сожалению, имел скверную привычку втыкаться во всё живое, – похвастался стожар. – Вон, украсил меня! Зашьёшь? – Он показал на длинную царапину, которая, спускаясь от скулы до середины щеки, имела все шансы стать шрамом. – Зато мне хорошо заплатили. Немножко магии – немножко жизни! – заметил Филат. – Благодарю!.. Теперь заживёт!.. Взгляни, какой список мне дал Страхил! – Он сунул Еве огнеупорную тетрадь. Страхил как элементаль огня предпочитал именно такие. Тетрадь была заполнена печатными буквами, но приписки были на полях курсивом.

«Заводное чудище с ключом в спине. Всё в заклёпках. Можно указать ему врага и отправить в бой. Осторожно! Заедает пружина!

Всезнающий словарь. Переводит со всех возможных языков, включая языки животных, птиц, камней и растений. Похож на испорченный наушник с

оборванным проводом. Побочка: через какое-то время ты обнаруживаешь, что говоришь не то, что хочешь сказать ты, а что тебя заставляет словарь, то есть кому-то что-то переводишь, но что и кому – совершенно непонятно.

Сосуд слоистой воды. Живая вода, мёртвая вода, умная вода, вода из реки Стикс, вода из Леты. Не встряхивать!!!!

Шкурка вампира-кровососа. Похожа на шкурку лысой обезьянки. Если на шкурку попадёт капля слюны или крови – мгновенно превращается в чудовище. Получена предоплата! Нужно проверить артефакт в первую очередь!

Грызущий меч. Превращается в любое оружие, чаще всего в ядовитую булавку.

Бутылочка ветров. Не ронять! Проблема с пробкой!

Амулет, защищающий от зверей бездны. Просверлённый камень на кожаном шнурке. Поменять шнурок. Осторожно! Откусывает пальцы!

Ловец глупых снов. Выглядит как маленькая диванная подушка. Ловит глупые сны. Если наловить много глупых снов, можно дразнить того, кому они приснились. Осторожно! Может усыпить!

Волшебные часы. Точно показывают время, когда нужно начинать то или иное дело. Или не делать его совсем, потому что оно не выгорит. Лопнула пружина.

Монокль. Видит истинные сущности и любую наведённую магию. Полезен при длинных переходах через заколдованные леса. Не держать у глаза больше десяти минут!»

– Прочитала? – спросил Филат. – А на второй странице уже всякая ерундистика. То, что Страхил и не надеется продать. Ну или продать за устраивающую его цену.

– Почему? Это же артефакты.

– Ясельный хмырь, что артефакты. В этом мире вообще нет неволшебных предметов! Но волшебство многих предметов проявляется в строго определённых обстоятельствах... Например, вот! Эта игрушечная рогатка является оружием против громадных бронированных неубиваемых носорогов. Но только одну ночь в столетие и только если стрелять из неё будет человек, имя и фамилия которого начинаются на «А». После этого неудивительно, что заурядцы могут владеть тем или иным магическим предметом столетия, но никогда об этом не узнают!

* * *

В комнату вбежал Бермята. Его волосы торчали во все стороны, как у Людвига ван Бетховена, а нос был красный, как у Мусоргского. Настасья, дырявя очередной носок, укололась ножницами.

– Подойдите к окну! – крикнул Бермята.

Газон, недавно чистый и ухоженный, теперь был весь покрыт рытвинами. Во все стороны летела земля. Всё новые и новые воронки возникали одна за другой – и происходило это совершенно беззвучно.

Лешак Лёша торчал из клумбы ногами кверху. Он ещё не разозлился, но уже начинал. Земля мелко дрожала. Рядом валялась его метла.

– Рыжьё! – сказал Филат. – Тут боевой магии магров на триста! Кому-то совсем магры некуда девать!

– Убоись! Кажется, к нам прорывается кто-то серьёзный! – Бермята извлёк из кармана красный магстолет, похожий на детскую игрушку.

Филат привстал, расслабился и прогнулся чуть назад. Лицо у него опустело – опасный знак для любого, кто имел дело со стожарами. Ева же и вооружаться не стала. Она ужасно боялась всех этих магических алебард и ржавых мечей. Ей вполне хватало боевого браслета. Пока что на первой пластине сияла надпись «Все норм!», но для опасных ситуаций существовали положения «Евочка не в духе», «Евочка гневаться изволят» и последнее, самое грозное: «Ну всё! Я предупреждала!» Эта пластина обычно зажигалась, когда Филат окончательно

её доводил.

Из-под овального стола вылез рыже-золотистый с оплавленным левым ухом пёс размером с телёнка. Лайлап, медный пёс Зевса, поселившийся в доме-буфете на Садово-Кудринской.

Что-то грохнуло. Кажется, кто-то бабахнул в дверь из той же штуки, которая оставляла на газоне рытвины. Дом-буфет вздрогнул от фундамента и до крыши.

– Ага. Не знают, как войти, и просто разносят дверь! – удовлетворённо сказала Настасья. – Сейчас начнётся! Попрошу без паники и драматизма!

Гризельда и Лайлап разом вскочили и умчались встречать незваных гостей. При этом змеиный хвост химеры злобно шипел, а Лайлап глухо и страшно лаял. Снизу слышался шум, грохот опрокидываемой мебели, жалобный визг – и Лайлап с Гризельдой опять появились на лестнице.

За ними гнался рой мелких существ. На верхних ступенях рой нагнал Гризельду, и бедная химера, отчаявшись спастись, кувырком скатилась по лестнице. Лайлап же, окончательно деморализованный, полез прятаться под диван, мгновенно опрокинув его, потому что, когда ты размером с телёнка, диван убежище не самое надёжное.

Ева оказалась под перевернувшимся диваном. Это её порядочно взбесило. На браслете мгновенно вспыхнула пластинка «Евочка гневаться изволят». Диван, подброшенный усиленным магией толчком, кувырком отлетел в угол гостиной. Когда же Ева, вскакивая, опёрлась руками о пол, то внезапно увидела, что на её запястье рядом с браслетом сидит крошечный комарик с сабелькой. На комарике был гусарский мундирчик. И ещё он лихо закручивал длинные усы. Рядом четыре мухи в красных сапожках держали на парашютных стропах здоровенного, размером с монету, паука. В каждой из восьми лапок паук сжимал по кинжалу. А ещё у паука была борода и здоровенные чёрные очки, похожие на консервные банки.

Тут же прыгали подозрительные, цыганистого вида блохи в ярких круглых бусах и жевали сигары жирные магфиозные тараканы с золотыми пистолетами в цепких лапках. И была всех этих насекомых целая орда. Это они заставили Гризельду и Лайлапа спасаться бегством.

Первым справился с удивлением стожар. Он легко, как боксёр, размял шею, потряхнул руками – и в руках у него возникли две здоровенные мухобойки.

– Ну, якорный бабай, я готов! – сказал он.

Мушиная и комариная рати с грозным гулом двинулись на стожара. Те мухи, что несли паука, набрали высоту, приготовившись к высадке десанта. Лёгкая крылатая конница заходила с тыла. Три таракана притащили и установили смешной с виду пулемёт Гарднера с заводной рукояткой и двумя стволами, покрытыми бронзовым кожухом. Четвёртый таракан деловито наливал внутрь кожуха воду для охлаждения. Какого бы размера ни были пули в этом пулемёте, удовольствия они бы никому не доставили.

Блохи тоже не теряли время даром. Суется у лестницы, они разворачивали в сторону стожара крошечную копию гаубицы-пушки МЛ?20, легендарного «Емели». Маленький комарик, без сабельки, но с биноклем на шее, лихорадочно пищал в телефон:

– Ориентир два, угломер двадцать – сорок два, прицел сто сорок восемь, осколочно-фугасным, заряд второй...

Стожар со свистом размахивал мухобойками, мешая десанту концентрироваться на точках выброски.

– Попрыгаем! – произнёс он с предвкушением.

Однако попрыгать ему не удалось. Из рукава Евы вылетело толстое полосатое существо с крыльями шмеля и лапками котёнка и, ржаво мяукая, помчалось прямо на гаубицу. Легендарный «Емеля» дважды перевернулся от сильного удара.

– Я подбит! Повторяю: я подбит! Расчёт орудия уничтожен! Вызываю огонь на себя! По квадратам, по квадратам край, Петрович! – запищал бесстрашный комарик с биноклем.

Котошмель, описав круг над поверженным орудием, выбрал для себя новую цель, однако атаковать её не успел.

– А ну все брысь! – крикнул кто-то. – Анисья! Тит! Уймите своих козявок!

Крик ещё не отзвучал, а в воздухе прямо перед Настасьей и Бермятой что-то мелькнуло. Кто-то сдёрнул плащ-невидимку – старый, весь в латках, смахивающий на армейскую плащ-палатку. Под плащом обнаружились сразу три ребёнка.

Изумлённая Ева закричала, отзывая котошмеля, который с большим неудовольствием спрятался обратно в рукав.

В центре стояла девчушка лет одиннадцати. Она была тощенькая, ростом не выше метра, но боевая и решительная. На зубах – брекеты. Одета в комбинезон с кучей карманов. За спиной – коротенькие, бешено работающие крылышки. В руках – здоровенный четырёхствольный пулемат, который был явно больше самой девчушки. Толстые стволы пулемата вращались и дымились: им явно пришлось недавно поработать.

– Оружие классное, но работает на чистом рыжье! От него даже магзели отказались... Ещё магров двести ушло, пока дверь сносили! И на улице магров триста на лешака! Я бы дешевле эту комбинацию провернул... Разозлил бы лешака – он бы мне дверь бесплатно снёс! – буркнул себе под нос Филат.

К ногам девчушки жались двое детей поменьше – видимо, её брат и сестра. Девочка лет шести с дыркой на месте переднего зуба и огрызками косичек и мальчуган лет восьми, круглый, толстый и крепкий. Казалось, кто-то взял пушечное ядро, приделал к нему ручки, ножки, голову – и получился мальчик.

Сейчас круглый мальчик размахивал руками, что-то внушая грозной орде насекомых. От его пальцев разлетались золотистые искры рыжьи. Подчиняясь приказу, несколько комариков с серебряными трубами вылетели вперёд и затрубили отступление.

– Ещё минимум двадцатник магров... Полтыщи магров – всего за пять минут! – сказал себе стожар. Его гибкое лицо выражало сильнейшую заинтересованность.

Старшая девочка повернулась к брату и сестре и ловко убрала свой пулемат.

– Начинайте! – сказала девчушка требовательно. – Ну! Тит! Ниська! Забыли, как договаривались?

Ребята, спохватившись, бросились на колени, вскинули в мольбе руки и, растирая на хитрых мордочках слёзы, заголосили:

– Ой мы бедненькие! Мы несчастненькие! Помогите страдающим сироткам! Нас хотят схватить!

– Очень понятное желание! – процедила Настасья. – Я тоже теперь об этом мечтаю! Дверь вышибли! Лешака взбесили, двор как после бомбёжки!.. Как тебя вообще зовут, чудо с крылышками?

– Задора, – сказала девочка с брекетами. – А это Тит и Ниська!

Настасья мрачно изучала бедных сироток.

– Кто вы вообще такие? Феи? Эльфы? – Она посмотрела на трепещущие крылышки, удерживающие девчушку над полом.

– Наша мама была макси-фейса. А папа – тролль-подземник из магского метро! – сообщила Задора.

– Макси-фейсы. «Фейсы» – это не от английского «лицо», а от слова «фея». Крупные феи, которые могут вступать в браки с магическими созданиями других видов, а порой и с заурядцами, – пояснила для Евы Настасья.

Тит и Анисья, две бедненькие, разнесчастненькие сиротки, уже поднялись с пола. Ева разглядела, что у Анисьи крылышки тоже имеются, а вот у Тита их нет. Он, как видно, уродился в папу-подземника.

Утирая руками слёзы, Тит уже перемигивался со своей насекомой ратью, которая расползлась по углам, изучая обстановку и отыскивая, что тут можно шпионить. Пауки выкатили откуда-то крошечные тележки, а мухи достали вместительные плетёные авоськи. Комариков же больше заинтересовало красное вино, которое Бермята припас на Новый год. Они уже роились над бутылкой и лихо подкручивали усы.

– Без мародёрства, Огнедышащий Мамай! Вы тут не в захваченном городе! – предупредил Бермята.

– Вот именно! Смена активностей! – едва ли не впервые в жизни согласилась с ним Настасья. – Рассказывайте, кто за вами охотится, если это всё не очередные враки! И имейте в виду: если вы будете звучать неубедительно и не заинтересуете меня – вылетите отсюда кувырком! Никакие дрессированные мухи не спасут!

Глава 4

Макси-фейсы

Здесь водится бык с видом оленя; у него на лбу между ушами выдаётся один рог, более высокий и прямой, чем у известных нам рогатых животных. В своей верхней части он широко разветвляется наподобие ладони и ветвей. У самки такое же сложение, как у самца: её рога имеют такую же форму и такую же величину.

Гай Юлий Цезарь. «Записки о Галльской войне»

– Это вот он и есть? Этот магтобус? – спросила Настасья полчаса спустя.

Только что они вышли из ворот. Свободной от пулемага рукой Задора буксировала здоровенный чемодан на колёсиках. Это был целый колёсный сундук, обшитый бронелистами. Такой наверняка мог выдержать удар штопорной магии. И колеса у него были соответствующие, рифлёные, как у БТР?80. В пустотелых ручках чемодана были оборудованы пулемётные вышки, на каждой из которых дежурило по паре делового вида клопов. Кроме того, весь чемодан патрулировался лёгкой комариной полусотней.

– Угусики! – подтвердила Задора.

– В нём вы и живёте?

– Агасики! В нём живём, на нём и летаем! – кивнула Задора.

Они стояли напротив дома-музея со стороны Садового кольца. Перед ними, перегородив полторы полосы дороги, был припаркован здоровенный магтобус жёлтого цвета, чем-то напоминающий школьный автобус заурядцев. В бортах магтобуса было множество железных заклёпок, удерживающих тяжёлые листы брони. Окна с местами отсутствующими стёклами были тщательно заделаны фанерой и запенены. Кое-где магтобус был закопчён как от взрывов и выстрелов. Из шести полагающихся колёс (по три с каждой стороны) в наличии было только два передних. Остальные с успехом заменяли мороки. Передвигался автобус не с помощью колёс. На крыше у него вяло плескались по крайней мере два десятка гусиных крыльев. И это не считая воробьиных, голубиных, перепелиных.

На борту магтобуса чёрной краской было неровно выведено «ЧЕрЕпахЕр».

– А почему «Черепахер»? – спросил Бермята.

– Потому что разгоняется медленно! Тит придумал, когда мы от магпеки удирали! Магпека хотела Тита и Аниську забрать, а я не дала.

– А тебя магпека забрать не хотела? – спросила Настасья.

– Меня? – удивилась Задора, почёсывая нос о дуло пулемага. – А меня-то с какой радости? Я взрослая!

Настасья воздержалась от замечаний, хотя и окинула её сомневающимся взглядом.

– Ну, заходите в гости! – пригласила Задора.

Бермята шагнул к магтобусу, но едва он поставил ногу на подножку, над его ухом пальнул замаскированный дробовик.

– Тит, ты что, не отключил сигналку?! – сердито набросилась на брата Задора.

– Так пульт же у тебя! – ковыряя пальцем то во рту, то в носу, ответил Тит.

– Не грызи ногти! Он, значит, у Ниськи! Мелкая, посмотри!

Анисья принялась рыться в оттопыривающихся карманах такого же, как у сестры, комбинезона, и оказалось, что пульт она посеяла.

– Ну, всё понятно! Ты его выбросила, когда набивала карманы гранатами! Даже разведка больше четырёх штук на брата не берёт, а этой сопле надо десяток! – обрушилась на неё Задора.

Она секунду поразмыслила, как ей попасть в магтобус, после чего попросила стожара, Настасью и прочих отойти подальше и захватить с собой мелких. Обежала магтобус вокруг, выстрелом из пулемага снесла один из фанерных листов и через окно ловко забралась в салон. Изнутри слышались грохот, длинная очередь из пулемага, потом что-то негромко рвануло. Вслед за тем двери магтобуса открылись, и закопчённая, но довольная Задора появилась в проходе, демонстрируя в улыбке брекеты.

С опаской озираясь, все забрались в магтобус. Если он и был расширен изнутри пятым измерением, то незначительно. Ева увидела небольшую комнату, служившую и кухней, и спальней. Слева – мойка, холодильник, шкафчики и откидной кухонный стол, заваленный посудой. Раковина и кухонная мебель располагались низковато, что объяснялось ростом макси-фейсов. Справа – двухэтажная, из толстых полос металла сваренная кровать, и рядом раскладной диванчик. Всю дальнюю часть магтобуса занимали зелёные военные ящики, где вперемешку с вооружением хранились носки, штанишки, продукты, тетради и другие вещи макси-фейсов.

Над мойкой висела многократно простреленная табличка:

Кто кавыряит в носу, ушах или ещё гденибуть – тот в нокозание моит пасуду

– Это мы Тита воспитываем! – шепнула Еве Задора. – Он один в носу ковыряет. Вот пусть всегда посуду и моет! Он, конечно, бесится! Палит по табличке из чего попало! Ну, постреляет-постреляет – и помое!

Ева покосилась на гору кошмарно выглядящей посуды и подумала, что Тит либо «кавыряет» в ушах недостаточно часто, либо давно уже смекнул, что взорвать посуду проще, чем её помыть.

Стожар уже успел развалиться на диване. Ниська моментально устроилась у Филата на коленях, а чтобы Филат стал помягче, пару раз врезала ему локтем в живот. Когда Филат вновь обрёл способность дышать, он подумал, что с мелкой макси-фейсой, кажется, не соскучишься.

– Серёжки у тебя знакомые. Где-то я такие уже видел! – сказал он Ниське.

Беззубая Анисья хихикнула и пояснила, что это «кольсы от гланат!».

Тит приоткрыл чемодан, запустив в него звенящую конницу комаров. Что-то в чемодане подвинул, заткнул ваткой пробирку с муравьями, пшикнул из пульверизатора на ежевику для палочников, разрезал морковь для тараканов и сунул мойвы в мелкий контейнер с опарышем, где у него выводились цокотухи. Прodelав всё это, он принялся вопить:

– Задора! Мы есть хотим!

Старшая макси-фейса наградила брата оплеухой, сказав при этом любовно: «Ему не больно! Он у нас дурачок!» – после чего ногой очень ловко открыла холодильник. Плеснула в огромную миску молока и навалила в неё же гору хлопьев.

– Лопайте давайте! – велела она.

Тит и Ниська извлекли из носков ложки и принялись торопливо есть. Ели они с большим аппетитом и громким чавканьем, больше присущим троллям, чем феям.

Настасья вскинула брови.

– Надо было написать на магтобусе не «Черепахер», а «Дом высокой культуры быта»! – заметила она. – А теперь рассказывайте: почему вы живёте в магтобусе и где ваши родители?

При упоминании родителей все три макси-фейса залились слезами. Причём Тит и Ниська рыдали прямо в тарелки.

– Они погибли, – сказала Задора.

– Когда?

– Год назад. Ночью они разбудили нас, посадили в магтобус и велели, чтобы мы летели и не оглядывались. А утром... утром мы не послушались и вернулись... Всё перерыто, разломано, и повсюду какая-то жижа...

Все три макси-фейса опять зарыдали.

– Где это было? Где вы жили? – быстро спросила Настасья.

– В Пскове! Там такая ба... башня...

– Башня в Пскове, – повторила Настасья. – Которая на изгибе реки, почти у воды, а тут же рядом мост?

Задора кивнула:

– Вы о нас слышали? Мы Тоннельсоны. Ну, которые Подземникусы!

Услышав эту фамилию, Настасья с Бермятой быстро переглянулись. Филат тоже, кажется, кое-что знал.

– Известный магический род макси-фейсов, – шепнул он Еве. – Основатель рода полутроль Голован Тоннельсон был проводником в Теневые миры. Чудовища Теневых миров его почему-то не трогали. Единственная дочь Голована потом вышла замуж за Сигизмунда Подземникуса, гнома, в банке которого Фазаноль отмывал своё рыжье.

– Как это – отмывал?

– Ну, менял его на зелень. Не так просто обменять на зелень очень много рыжья. Ведь это незаконно. А зелень порой нужна и Фазанолу... Ну да дело тёмное. У дочери Голована был сын, который потом женился на фее. Вот эти Тоннельсоны и есть их родители!

– Громкая была история с этой башней! – вспомнила Настасья. – Меня вызвали на осмотр места преступления. Такой массы улик, подозреваю, не знала вся магическая криминалистика. Одних только незаконных артефактов в башне хранилось больше тысячи. Фазаноль напал как-то странно, через ход из Теневых миров. Родители погибли. Дети исчезли вместе с огромными запасами рыжья, которые имелись у семейства. Их разыскивали и магпека, и Фазаноль.

– А у вас не возникало мысли сдать магпеке? – спросил Бермята. – Она бы защитила вас от Фазаноля!

– Ага! Щас! – сказала Задора. – Если мы нужны маг-пеке – пусть нас возьмут!.. Ну, кто хочет нас сдать?

Макси-фейсы, только что слезоточившие, мгновенно сорвались со своих мест. Ниська извлекла невесть откуда обрез двустволки. Причём была эта двустволка ядрёными запуками – смесь техномагии со стандартным порохом в гильзах. Штука убойная. Невозможно сразу уклониться и от выстрела, и от магии.

Тит обреза с собой не таскал. Он был военачальник, управлявший конницей комариков, мародёров-пауков, тараканов-пулемётчиков и блох-артиллеристов. Вместо этого он с мрачной угрозой уставился на Бермяту и толкнул ногой чемодан, пробуждая свою рать. В чемодане что-то грозно загудело.

– А ну утихли, мелочь! Никто вас не забирает! – лениво сказала Задора. Тит и Ниська вняли. Тит отошёл от чемодана, а из рук Аниськи исчез обрез.

Ева уже начинала замечать, что эмоции у макси-фейсов выражаются бурно. Если они обнимаются – то так, что кости трещат. Если орут – то так, что лопаются барабанные перепонки. А если плачут – так без резиновых сапог по дому не ходи.

– Хорошо, макси-фейсы! Если вы такие крутые и сами решаете свои проблемы – зачем мы вам нужны? – спросила Настасья.

Задора уселась на патронный ящик и задумалась.

– Мы скрываемся уже давно. Всё время меняем города, и магзелям нас не поймать. Фазаноль же временами садился нам на хвост. То мы видели Пламмеля, то Белава где-то мелькнёт. Но вот две недели назад мы получили письмо, после которого всё завертелось. Как-то утром я вышла из магтобуса – это было в городе Орле – и смотрю: ко мне идёт Тит! А я точно знаю, что Тит дрыхнет в магтобусе, потому что его будильник не срабатывал, а без будильника его не поднимешь.

– Может, сработал, но ты не услышала? – предположила Ева.

Задора презрительно фыркнула.

– Нельзя не услышать! Его будильник – сирена противовоздушной обороны. С крыши завода свинтила специально, чтоб эту мелочь пузатую будить. Хочешь, сейчас врублю? – предложила она.

Ева торопливо отказалась.

– Короче, это был не Тит. Это была простейшая пожирающая сущность, замаскировавшаяся под Тита. У неё даже колени в другую сторону гнулись, потому что она, видать, только что вышла из Теневых миров и не сильно разобралась что к чему. Я размазала его из пулемага! Потратила чуть ли не тысячу магров!

Стожар завистливо вздохнул. Ева почти считала его мысль, что это можно было сделать и дешевле, а сдачу отдать ему, Филату.

– Из Орла мы сбежали в Ростов-на-Дону. Пару дней всё было спокойно, но ночью сработала защита... И хорошо так сработала, тысячи на четыре рыжья... Молний было – мама не горюй. Ростов-папа долго не забудет. Хорошо, что магтобус стоял на футбольном поле и дома не пострадали. Но котлован для бассейна уже подготовлен, да и стеночки проплавлены – хоть сразу воду наливай!..

Задора засмеялась, показав все скобки на зубах, но тотчас подумала, что момент грустный, и хлюпнула носом.

– Из Ростова мы, короче, помчались в Волгоград... Но там магтобус стал вдруг ломаться, просто разваливался по частям... Кто-то напустил на него черветочцев. Это мелкая такая потусторонняя дрянь, которая подъедает защитную магию и размножается с дикой скоростью. Кто-то понял, что наша сила в магтобусе, и решил оставить нас без него. Хорошо, что у Тита есть все эти бешеные букашки. С черветочцами букашки кое-как разобрались, но два дня такие бои шли... На подушку не ляжешь, чтобы оттуда не выполз паучок с противопехотной миной... А дальше... что же было дальше?

– Хафгуфя! – подсказала Анисья.

– Угусики, Ниська! Тут мы, короче, услышали по Маг-ТВ про ваше дело с хафгуфой и решили обратиться к вам! А то уж больно плотно нам на хвост сели – нигде не спрячешься! И главное – почему именно сейчас? Раньше же всё тихо было! – Задора с тревогой огляделась по сторонам.

– Письмо! – сказала Настасья. – Ты упомянула, что перед тем, как всё началось, вы получили письмо.

Задора хлопнула себя ладонью по лбу:

– Точняк! Рассказать, что было в письме?

– Обязательно. Но лучше по порядку. Как вы его получили? Кто его доставил?

– Да никто его не доставлял! Оно само приползло. Сидим мы, короче, в магтобусе, никого не трогаем – и вдруг прямо из пола выползает слизняк и превращается в письмо.

– Слизняк выполз, несмотря на все защиты вашего магтобуса?

– Круто, да? Короче, это оказалось письмо от прабабушки Тоннельсон!

– Бабуська! – пропищала Анисья.

Задора наградила её подзатыльником.

– Не бабушка она, сто раз тебе говорила!.. Двоюродная прабабушка! Она типа родная сестра прадедушки Голована... И вот она написала, что ей крайне важно нас увидеть! У неё стало сдавать здоровье. Она приглашает нас к себе, но при этом не говорит, куда нам надо лететь. Только упоминает, что мы должны... – Задора зашевелила губами, напрягая память, – а, ну да... ждать от неё другого письма с инструкциями и всё выполнять! По тому, как мы будем справляться, она поймёт, готовы ли мы, и подхватит нас на пути!

– А раньше она вам писала? – спросила Настасья.

– Никогда.

– Гм... Любопытно. На письмо взглянуть можно? – Настасья протянула руку.

Задора замотала головой:

– Нельзя. Как только мы его прочитали, оно сразу самоуничтожилось. Ну и вони же было! Может, не стоило стрелять в него из пулемага?

– Возможно, – сухо согласилась Настасья. Она резко поднялась и стала ходить, практически метаться по магтобусу. Заметно было, что она очень заинтересована. – Заня-атно. Очень занятно! Прабабка, которая всю жизнь совершенно вами не интересовалась, не проявила участия, даже когда ваши родители погибли, теперь обязательно хочет с вами увидаться. Но адреса при этом не оставляет, даёт только смутные инструкции. Письмо самоуничтожается, а вскоре после этого на вас открывают охоту... Как фамилия вашей двоюродной прабабки?

– Тоже Тоннельсон.

– Тоннельсон... Тоннельсон! – повторила Настасья, покусывая кончик косы. – Она была замужем? Меняла фамилию?

– Нет. Папа говорил, что у неё был жених, но он подарил ей цветы, на которые у неё была аллергия, и она превратила его... Не помню уже, в кого!

– Мама говорила: и плавно сдвигая! – наиведничала Аниска.

Задора подняла руку для очередного подзатыльника, но вместо этого дружелюбно потрепала сестру по волосам.

– Угусики, Ниска! – улыбнулась она.

– А как имя вашей прабабушки? – спросила Настасья.

– Сивояра.

– Сивояра Тоннельсон! Огнедышащий Мамай! Сивояра Тоннельсон! – воскликнул Бермята, и вся его буйная шевелюра встала дыбом.

– Вы знаете нашу двоюродную прабабушку? – поразились Задора.

– Кто же не знает Сивояру Тоннельсон, хранительницу Индрика! Точнее, её никто не знает, но все о ней слышали!

Ева деликатно кашлянула в кулак.

– Что за Индрик? – спросила она.

– Единорог, – объяснил Бермята. – Но не такой единорог, как в английских сказках! Не породистая арабская лошадка с витым красивым рогом. Коренастый, очень крупный и плотный. В нём сосредоточено огромное количество первородной магии. И рог у него не особенно изящный. Раньше, когда находили кости мамонта, всегда приписывали их Индрику. Индрик связывает наш мир и Теневые миры! Путешествует из мира в мир совершенно свободно! В русских легендах об Индрике пишут, что он «всем зверям отец». Конечно, это надо понимать не буквально, но из песни слов не выкинешь. В «Азбуковнике» изображают его с головой и хвостом коня и с телом рыбы. Это потому, что он проплывает сквозь миры. Разумеется, Фазаноль издавна стремится заполучить Индрика. И не только из-за рыжьи. Индрик – ключ ко всем Теневым мирам и ко всем магическим существам нашего мира!

Ева оглянулась на Лайлапа, который в поисках еды и общения просовывал в магтобус здоровенную морду с оплавленным ухом. Тит бесстрашно стукнул его по носу кулаком, и пёс Зевса, заскулив, убрал морду.

– Дохлый хмырь! Макси-фейсы отжигают! – восхитился стожар.

– И Сивояра Тоннельсон – хранительница Индрика? – спросила Ева.

– Да. Скрывает его где-то в верхних слоях Теневых миров. Уже, наверное, больше столетия. Тоннельсоны кое-что смыслят в Теневых мирах, ведь они всегда были проводниками.

– А сам Индрик сохранить себя не может?

– Индрик, конечно, всем зверям отец и рыжья в нём мама не горюй, но особенно хитрым я бы его не назвал! И конечно, Фазаноль до него бы добрался, не скрывай его Сивояра Тоннельсон столь тщательно! – убеждённо объяснил Бермята.

– Короче, просто очень большая лошадь с рогом! – насмешливо перевёл Филат.

Настасья вспыхнула, хотела оспорить это, но махнула рукой:

– И поэтому его надо тщательно охранять!.. А Сивояре Тоннельсон уже очень много лет. Думаю, ей важно увидеть правнуков, чтобы выбрать среди них нового хранителя для Индрика... И чтобы он непременно был истинным Тоннельсоном, потому что только Тоннельсоны могут быть проводниками. Конечно, это только моё частное мнение.

Свои частные мнения Настасья озвучивала всегда с такой подчёркнутой скромностью, что даже Задора уловила несоответствие и хихикнула. Тоненькие косички её, украшенные гильзами, задрожали. Гильзы зазвякали. Все они были с магическими маркировками: «5,45 ШМ», «7,62 ЗГ», «ПМ». Слегка поднаторевшая в боевой магии благодаря стожару, Ева легко определила, что «ШМ» – штопорная магия, «ЗГ» – запук гремучий, а «ПМ» – пробивающая магия. Достоянная хранительница для чудо-зверя Индрика.

– Бедная старушка сильно сдала, и ей надо увидаться с внуками... – сказал Филат. – Это ясельный хмырь! Но почему нормально нельзя было написать: прилетайте туда-то и туда-то. Я вас встречу.

– А я вам скажу! – отрезала Настасья. – Это вариант не для Сивояры Тоннельсон! Она совсем не бедная старушенция, а одна из величайших чокнутых магесс современности!

Магтобус затрясся. На ящике с динамитом распахнулась крышка, и стало видно, что один из фитилей горит. Тит и Анисья с воплями кинулись его тушить, однако фитиль и не думал погасать. Пожирающее его пламя было явно магического происхождения.

– Я хотела сказать: одна из самых милых и эксцентричных добрых волшебниц современности! – хладнокровно исправилась Настасья.

Фитиль погас.

– Сами видели! Она всегда чувствует, когда её имя упоминается без должного уважения! – сказала Настасья. – Сивояра Тоннельсон не верит никому. Она сама на вас вый-дет, когда поймёт, что наступил подходящий момент.

– Но где она прячется? – спросила Ева.

Настасья развела руками:

– Отвечу вопросом на ответ. Если бы её было так просто найти, Фазаноль давно бы захватил Индрика.

– А почему Сивояра не могла хотя бы внукам объяснить, где её искать? Мол, идите туда-то и никому не говорите. Я вас встречу.

– Письмо могли перехватить. Фазаноль способен отслеживать первичную магию, а уж Сивояра Тоннельсон благодаря Индрику до того ею пропиталась, что другую и использовать разучилась... Опять же, по тому, как макси-фейсы будут выполнять её задания, она определит, готовы ли они вообще стать хранителями... – добавил Бермята. – Фазаноль смекнул что к чему, и начались

все эти странные нападения на макси-фейсов. А до этого – на их родителей! Ведь именно они должны были стать хранителями в первую очередь!

Задора наградила пинком Тита, который, страдая неконтролируемой активностью ручек, попытался затолкать в обрез к Ниське патрон не того калибра.

– Что делаешь, мелочь пузатая?! Тебе винтовочный запук нужен, на трехлинейку! А ты усиленный пихаешь, от штопорника! Хочешь, чтобы руку оторвало? – прошипела она на брата.

– Да я просто пробую! – огрызнулся Тит.

– Агасики, знаю я, как ты пробуешь! Я тоже тебе сейчас попробую двойную вертушку по кумполу!.. Так что нам делать? – обратилась Задора к Настасье.

– Перестать хаотично метаться. Фазаноль всё равно выследит вас по вашей магии. Ведь вы Тоннельсоны. Вы даже ухо себе не можете почесать, чтобы не потратить на это магров десять... Оставаться с нами. Ждать очередного письма с инструкциями и выполнять всё, что напишет Сивояра Тоннельсон... величайшая из всех добрых волшебниц!

Последнюю фразу Настасья произнесла с лёгким поддразниваем в голосе. Мимо носа Настасьи пролетела вилка и воткнулась в кухонный шкафчик.

– Спишем это на добрую улыбку сентиментальной волшебницы! А вилку можно использовать как вешалку для полотенец! – сказала Настасья.

С улицы донёсся хриплый лай. Выглянув в окно, Ева увидела, что Лайлап углядел в проезжавшей машине кошку и теперь догоняет машину и пытается вцепиться в неё зубами. Довольно удачно пытается, потому что бампер машины уже валяется на асфальте. Машина же трусливо удирает. У водителя хватило ума не возвращаться за бампером.

– Вот не любит он кошек! – грустно сказала Ева. – Не переносит, и всё тут!

– Работай над характером собачки! – посоветовала Настасья. – Кому там из нас магические животные доверяют?

– Я и работаю! Но как кошка появится – весь труд насмарку, – пожаловалась Ева. – Может, у него какая-то щенячья травма?

– Ага, циклоп его дубиной вдарил. А когда он очнулся от лёгкого обморока, первым, кого он увидел, была кошка! – захохотал Бермята.

Лайлап, так и не догнавший автомобиль, ограничился тем, что, кроме бампера, оторвал у него и выхлопную трубу и возвращался теперь с трубой в зубах. С его точки зрения, это было достаточное наказание для заурядцев, заводящих кошек.

Тит и Аниська бросились к Лайлапу отнимать трубу.

– Миномёт сделаем! Или огнемёт! – орал Тит.

– Миномёсь! Огнемёсь! – кричала Аниська, разделяющая все идеи брата, если они были достаточно разрушительными.

Лайлап, только что такой грозный, увидев Анисью и Тита, развернулся и стал улепётывать, поджав хвост. Удрать от макси-фейсов дело непростое. За спиной у Анисьи бешено заработали крылышки. Треща крылышками, она пулей догнала Лайлапа, прыгнула ему на спину и руками стала бесстрашно разжимать ему челюсти.

Подбежавший Тит наградил Лайлапа хорошим пинком в нос – и это при том, что сам он едва доставал ему подбородком до холки! – и стал решительно, используя её как рычаг, выкручивать у пса изо рта трубу.

– А ну выплюни, кому сказал! – рявкал на него Тит. Бедный Лайлап скулил и поджимал оплавленное ухо.

– Дохлый хмырь! Теперь я, кажется, понимаю, почему этих милых деток хотят сделать хранителями Индрика! Зевсова пса они уже заломали! – хмыкнул стожар, и брови у него весело ошетинились.

Ниська, которой наскучило возиться с Лайлапом, щёлкнула его между ушей и вернулась к магтобусу.

– Ниська, как ты вообще летаешь? Они же совсем маленькие! – спросила Ева, созерцая крохотные крылышки за спиной у макси-фейсы.

– Ни заю! – пропищала Анисья, пытаясь заглянуть себе за спину и почесать лопатки, к которым крепились крылышки, но короткие руки, унаследованные от папы-тролля, мало этому способствовали.

– Мама смеялась над нашими с Ниськой крылышками! – промокая нос, потому что ей хотелось зареветь, сказала Задора. – У неё-то у самой крылья были как у феи! Громадные, стрекозиные! А про нас она говорила, что мы как майские жуки! Нормально летать не можем, но так быстро колотим по воздуху крыльями, что вытесняем под собой весь воздух – и нас несёт атмосферным давлением! А Тит и вовсе бескрылый, в Подземникусов уродился! Зато он башкой может стены таранить, а мы с Ниськой не особо! У меня вообще кровь из носа идёт!

Желая показать, как это бывает, Задора с разбегу боднула лбом холодильник. Кровь из носа у неё не пошла, зато холодильник яростно затрясся.

– Вы это видели? Чего это он? – озадачилась Задора.

Холодильник подскакивал на месте. Задора выждала секунд пять, не перестанет ли холодильник прыгать. Убедившись, что не перестаёт, она хладнокровно засадила в него очередь из пулемага и пинком распахнула дверцу. Из холодильника вывалился дымящийся слизняк. Шлёпнулся на пол, расплющился и прожёл на нём буквы:

ЗАПРЕТНАЯ БИБЛИОТЕКА. НАЙДИ ТО, ЧТО ТРУДНО НАЙТИ! ПОЙМАЙ ТУ, КОТОРУЮ СЛОЖНО ПОЙМАТЬ!

Едва буквы были прочитаны, как слизняк исчез, превратившись в едкое облако дыма. Настасья торопливо выскочила из магтобуса, вытаскивая за собой остальных.

– Что это было? – с испугом спросила Ева. Глаза у неё слезились, нос набух как спелая слива. Бермята неостановимо чихал. Лишь Филат додумался вовремя задержать дыхание.

– Долгожданное письмо от любимой прабабушки! – сказала Настасья. – Очень мило с её стороны было использовать слизняка из Теневых миров. Кстати, он ядовитый. Если на руки попала слизь, советую их помыть...

Настасья вернулась в чеховский музей. Лешак Лёша в ужасном настроении закапывал ямы. Ростом он сейчас был где-то с циклопа – далеко не самый высокий из всех возможных, но всё же лучше не связываться. На макси-фейсов лешак воззрился мрачно, но бросаться не стал. Макси-фейсы не стали лишней раз его дразнить, только Аниська сплюнула через дырку на месте переднего зуба, высунула язык и сказала: «Бе-бе-бе!» Лешак Лёша от гнева вырос на метр.

– Ниська, не нарывайся! – предупредила её сестра и за косичку затащила в дом. Тит подзадержался, чтобы заложить под магтобус пару магических фугасов вместо сигнализации. Ева уже усвоила, что по большей части на сигналку напарываются сами макси-фейсы и их немногочисленные уцелевшие знакомые.

Задора первой перешагнула через обрушившуюся дверь и поднялась в разгромленную гостиную. По гостиной разгуливал домовый Еремеич и убирал осколки разбитой посуды. Увидев вошедших, он сердито сверкнул стёклами очков.

– Ой! Какой у вас беспорядок! Прямо в свинарнике живёте! – сказала Задора с укором. Она уже забыла, кто тут всё разгромил.

Настасья сердито перебросила через плечо шарф и стала ходить от стены к стене. Её явно занимала какая-то мысль.

– Я думаю, как попасть в Запретную библиотеку! – сказала она Еве. – Официальное разрешение нам может дать только Нахаба. Но посвящать его в дело не хочется. Будет слишком много служебного рвения, особенно если поймёт, что речь идёт о Сивояре Тоннельсон.

Ева давно усвоила, что Настасья любит размышлять вслух. Для того же, чтобы думать вслух, ей нужен туповатый доктор Ватсон, основная роль которого

сводится к тому, чтобы удивляться и поддакивать. И она охотно работала этим доктором.

– Угусики! – сказала она, и тотчас перед её носом возникли четыре вращающихся ствола пулемага.

– Моих слов не использовать! – предупредила Задора. – Агасики?

«Агасики!» – хотела повторить Ева, но вовремя притормозила и только кивнула.

Пулемаг из ручек Задоры исчез, и она вновь стала милой девчушкой.

– Попробуем попасть в Запретную библиотеку через Пьеро и Мальвину, – продолжала соображать Настасья. – Пьеро и Мальвина там кем-то подрабатывают... Надо срочно связаться с Мальвиной! Вот только что бы ей сказать, чтобы не упоминать про Сивояру...

Вещун Настасьи, лежащий на подоконнике, подпрыгнул и зашелестел страницами. Настасья схватила его, посмотрела, кто звонит, удивлённо приподняла брови и вместе с вещуном вышла в соседнюю комнату. Ева слышала, как оттуда ровно жужжит её голос.

Минут через пять Настасья вернулась:

– Невероятное совпадение! Кто бы, вы думаете, звонил? Мальвина! Из Запретной библиотеки! У них в Отделе Особо Опасных Книг творится что-то непонятное. Мальвина просит, чтобы завтра к ним пришли Ева и Филат. А вот нам с Бермятой соваться пока нельзя.

– Почему? – обиделся Бермята. – Я не похож на человека, которого можно впускать в библиотеку?

– Не в том дело. Запретная библиотека – это как Оружейная палата у заурядцев. Если выяснится, что кто-то ворует оттуда книги, – скандал будет грандиозный. Мальвина и Пьеро пока держат всё в тайне. Имеет смысл осторожно присмотреться и понять, что там происходит. Если в библиотеке появлюсь я, это привлечёт ненужное внимание. – Настасья застенчиво потупилась. И опять это

было сказано с невероятной, просто царственной скромностью.

– А макси-фейсы? С ними чего делать? – спросил Филат.

Настасья вздохнула:

– Макси-фейсов вам придётся взять с собой, иначе первого задания Сивояры Тоннельсон не выполнить...

– А Пьеро с Мальвиной нам как это объяснить? Если они спросят про Тоннельсонов?

– Да не надо ничего сложного придумывать. Мол, детишки... не с кем оставить... Отмазка средняя, но с учётом момента сойдёт. Справитесь?

Макси-фейсы заморгали. У них ручьём хлынули слёзы. На колени они рухнули с таким рвением, что задрожал пол.

– Мы бедненькие! Несчастненькие! Боимся оставаться одни! Пожалуйста, не прогоняйте нас! – заголосили они. Причём Задора усердствовала не меньше Тита и Анисьи.

– Справятся, Огнедышащий Мамай! Справятся! – уверенно подтвердил Бермята. – Только пол слезами не заливайте, а то книги промокнут!

Немного погодя, когда макси-фейсы уплетали приготовленную Бермятой еду, стожар незаметно позвал Еву:

– Слушай, а ведь у Сивояры Тоннельсон полно рыжья! Запросто хватило бы, что уплатить мой магический кредит. Даже у макси-фейсов рыжья завались! Ты ж видела, как они магры направо-налево швыряют?

– Ты куда клонишь? – мрачно спросила Ева.

– Кто, я? Да никуда! – спохватился Филат.

Однако в цыганистых его глазах зажглась маниакальная искорка. Еве стало тревожно. Такие личности, как Филат, способны удержаться в границах морали и добра, только когда жизненные обстоятельства давят на них со страшной силой. Когда же им хорошо, они начинают стремительно нагнать.

Глава 5

Глызя Косорыл

Популярность шумна

И изменчива.

По натуре она такова.

Только слава —

Надёжная женщина,

Но она

Не жена,

А вдова.

Николай Доризо

Раньше человек питался книгами. Пожирал их жадно, каждодневно. Пьянел от букв. Влюблялся в героев. Помнил, на какой странице какой текст. Помнил сокровенный запах, исходящий от страниц. В темноте кончиками пальцев узнавал заветную книгу по шероховатости тканевого переплёта или сбитому углу обложки и забирал её под одеяло, где светил на страницы фонариком.

Всего лишь сто лет назад человек не только знал, сколько у него книг, но и оценивал их дороже всех прочих своих вещей. Разводясь с женой, человек писал

ей:

«Елена! Возьми себе всё. Верни мне, пожалуйста, только мои книги с полки над диваном. Толстого, Лермонтова и обязательно Пушкина, которого ты давала почитать своей сестре».

А что теперь? Книги лежат на газетках у свалок и выстраиваются по утрам на ступеньках библиотек, стыдливо подброшенные ночью в коробках. Ремонт – только повод для предательства, давно уже внутренне совершённого.

Кто вообще теперь знает, сколько у него дома книг? Да какая, в конце концов, разница! Человек перестал питаться книгами и пожирать их.

НО ОБИЖЕННЫЕ КНИГИ НЕ ПЕРЕСТАЛИ ПИТАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ.

Вот и эта книга стояла на полке Запретной библиотеки и ждала. Ждала давно и терпеливо. И дождалась. Кто-то шёл в темноте. Она ощущала его вкрадчивые шаги. Идёт осторожно. Часто останавливается и прислушивается. Ближе. Ещё ближе. Всё! Пора!

Книга распахнула переплёт и набросилась, намереваясь заглотить ночного гостя. Как же давно она не лакомилась свеженьким читателем! Однако страницы её сомкнулись на пустоте. Тот, кого атаковала книга, оказался быстрее... Послышался треск разрываемой бумаги.

* * *

Задора и Анисья ночевали в комнате у Евы. Здесь Задора наконец согласилась снять свой жилет-антимаг, комбинезон и даже расстаться с частью гранат. Вместо этого она облачилась в ночнушку. Ева втихомолку поражалась, какая она худенькая. Руки как карандаши. Ножки тоненькие.

Перед сном Задора расплетала косички Ниське, то и дело награждая сестру подзатыльниками.

– Ай! – стонала Ниська, у которой были очень спутанные, жёсткие как проволока волосы.

– А ну смирно стой! Когда ты в последний раз расчёсывалась?

– Ой! Ой! – стонала Ниська.

– Не «ой-ой!», а смирно стой!

Из комнаты стожара к ним появился Тит. Он прикатил чемодан на колёсах, в котором жужжала, кипела и бурлила насекомая жизнь. В свободной руке у макси-фейса был телефон – самый обычный, заурядский.

– Как развести бронзовку золотистую! Видео! – потребовал Тит у поисковика.

– Всем привет, друзья! Сегодня я расскажу вам о борьбе с садовыми вредителями, в частности о том, как извести бронзовку золотистую! – затарахтел бойкий голос какого-то огородника.

– А-а-а! Опять канал садистов! – крикнул Тит и, протянув палец к экрану, крикнул: – Пуф-пуф!

Огородник в телефоне дёрнулся и растянулся во весь рост.

– Точняк, Тит! А теперь чеши отсюда! У нас ночь! – сказала Задора и длинной очередью из пулемага погасила лампу. Ева хотела сказать, что лампу можно было просто выключить, но смысла говорить это сейчас уже не было. В простреленный потолок комнаты с любопытством заглядывали звёзды.

– Когда-нибудь настанет день, и всем будет худо-бедно!.. Всё, дрыхни, Ниська! Завтра будем разносить библиотеку! – сказала Задора в темноте.

Ева сдула с подушки хихикающую муху в сапожках, которая о чём-то перешёптывалась с комариком, накрылась с головой и уснула под бряцанье комариных шпор, кокетливое мушиное жужжание и дразнящие звуки гитары.

Когда утром Ева проснулась, Тит уже устраивал смотр летучему эскадрону комаров, который, рассыпавшись на четыре сабельных взвода, со звоном кружил вокруг простреленной лампы. Анисья закончила разглядывать в зеркале дырку

от переднего зуба и решила немного подоставать брата.

– У тебя есть для меня подяРяк? – потребовала она, с любопытством глядя на него через разряженные стволы своего обреза.

– Да! – кратко ответил Тит.

– Он такой же милый же, как я?

– Да!

– Такой же кЛасивый, как я?

– Да!

– И сто это за подяРяк?

– Половая тряпка!

– А-а-а! – заорала Аниська и бросилась на брата с кулаками.

Дралась она как маленькая обезьяна. Лайлап кинулся прятаться с таким рвением, что снёс с лестницы химеру Гризельду.

В комнате появилась Задора. Она мигом загнала комаров в чемодан, отогнала Аниську и наградила Тита первым утренним подзатыльником. Голова максифейса зазвенела как таз.

– За что?! – взвыл братец. – Я же ничего не сделал!

– Если б я знала за что – колотилок было бы больше! – хладнокровно ответила Задора. – Наверняка я чего-нибудь не знаю! Ну-ка, посмотри на меня! Почему на столе валяется взрыватель? А где всё остальное?

Тит торопливо слинял. Задора хотела погнаться за ним, но ей стало лень, и она вернулась.

– Я ходила будить Филата. Мальвина и Пьеро нас ждут! – сказала она.

Бермята с Настасьей проводили их до магтобуса.

– Удачи вам! Поверьте моей интуиции – всё будет хорошо! – напутствовал их Бермята.

Настасья расхохоталась. Только что она хорошенько автоспатокинезила минут так четырёста с хвостиком, и у неё было отличное настроение.

– Опять довериться твоей интуиции? – спросила она весело. – Не это, случайно, была последняя фраза твоего дедушки, когда он пытался поймать огнедышащего дракона заклинанием для ловли хрюшек?

* * *

Филат и Ева стояли в фойе станции метро «Площадь Революции» и ждали Мальвину и Пьеро. Макси-фейсы под мороком детей носились по станции, и кое-где уже начинали появляться следы разрушений. Филат сердился:

– Я сглажу этих типов! Сами нас позвали и опаздывают уже на двадцать минут! Хотя для рифмомагов это ещё нормально. Ведь рифмомаги – это, по сути, поэты. Однажды я два часа прождал Пьеро на дрейфующей льдине. Она крошится, разламывается – а у меня магии капов шесть! Уйдёшь на дно и не вякнешь! А он в это время в Архангельске кормил жуков вишнёвым джемом! Сказал, что жуки сидели в трещине на стене дома и у них был несчастный вид!

Ева покачала головой, усыпляя в себе внутреннего биолога, твердившего, что после джема жуки счастливее не станут. От скуки она стала бродить по станции. Подошла к скульптуре пограничника и погладила отполированный до блеска нос служебной собаки. Филат мягко посоветовал ей воздержаться от излишней нежности. На самом деле пёс – оживающий охранный голем и запросто может отгрызть руку, если почует незаконное рыжье.

– Магзели знают, где сканеры незаконного рыжья ставить!

Ева торопливо убрала руку за спину.

– А остальные фигуры на «Площади Революции» тоже големы? – спросила она.

Филат бросил взгляд вдоль ряда колонн:

– Ясельный хмырь! Все эти спортсмены, рабочие с винтовками, девушки-гимнастки – разные модели для разных целей. Вот эти мощные пограничники – типичные големы первой атаки. Беги, стреляй, шуми, отвлекай на себя боевую магию. У гимнасток защита похуже, но они полегче и порезче. Для атаки не подойдут, а для разведки – в самый раз... Опять же место выбрано грамотно. Если потребуется, центр Магсквы магзели перекроют почти мгновенно. – Филат присмотрелся к длинной трещине в мраморе ближайшей колонны, сунул в неё палец, хорошенько им поелозил и извлёк обратно. – Повезло! Шестьсот эмошек – это где-то шестьдесят магров зеленью, если по сегодняшнему курсу! – сказал он, лизнув ноготь.

– Эмошки – это что?

– Эмоциональная магия. Никогда не замечала: когда человек психует, вокруг него чашки падают, молнии на куртке ломаются и всякое такое прочее? Это и есть эмошки. Представляешь, сколько за эти годы станция перевидала эмоций? В войну тут бомбоубежище было. А свидания где назначают? Здесь же! Кто-то ссорился, мирился, плакал, прощался. И это всё эмошки! Правда, с эмошками не всё так просто. Хлебнёшь чужих эмошек – бывает, полчаса хихикаешь, орёшь или драться лезешь.

Лицо стожара просветлело, но сразу омрачилось. Видимо, он вспомнил, куда уйдут эти шестьдесят магров зелени, равно как и вся остальная его магия. На оплату магического кредита. Они подарят ему несколько часов отсрочки и, стало быть, жизни, но сам долг меньше не станет. Таково свойство магических кредитов.

Очередной поезд исторг волну пассажиров. Волна вспенилась, замерцала экранами телефонов и, задев Филата и Еву сумками и рюкзаками, пронеслась к проходам. Филат и Ева, чтобы их не смело, вынуждены были прижаться к стене. Когда же волна схлынула, оказалось, что она вынесла на берег двух золотых рыбок.

Рядом выросли невысокая решительная девушка с голубыми волосами и тощий, тоскующего вида парень.

– Привет Пьеро и Мальвинам! Бобра вам, бабла и позитивчика! – приветствовал их Филат.

Пьеро хотел ответить, но вдруг, взмахнув руками, врезался в стену и упал. На нём сидели сразу трое макси-фейсов.

– Мы бедненькие, несчастненькие! Помоги-и-ите сироткам! – заголосили макси-фейсы, за компанию с Пьеро сбив с ног и Мальвину.

– Они правда несчастненькие! Придётся взять их с собой! – торопливо сказала Ева.

– Это я уже поняла! Слезь с моего лица, детка! – сердито обратилась к Титу Мальвина.

Тит торопливо слез и застенчиво шаркнул ножкой. Мальвина умела разговаривать стальным голосом.

Они вышли из метро. Москву (а заодно с ней и Магскву!) готовили к Новому году. Вдоль домов центральных улиц рабочие протягивали светящиеся гирлянды. На низеньком электрокаре везли кадки с живыми и уже заранее украшенными ёлочками. Филат гибко, как кошка, подскочил, улёгся между кадками и дальше уже ехал, пока остальные шли рядом по тротуару. Пару раз он и Еву приглашал с собой сесть, но она мотала головой, уверенная, что электрокар всё равно скоро куда-нибудь свернёт.

Ниська и Задора ныряли в переулки, прыгали по крышам и повисали на гирляндах. Их короткие крылышки скорость выдавали приличную, хотя манёвренностью макси-фейсы не отличались. То и дело Задора врезалась в стену и, сердито вереща, принималась палить из пулемага.

– Милые детки! Где вы с ними познакомились? – спросил Пьеро.

– Это они с нами познакомились, – поправила Ева.

Пьеро вежливо улыбнулся.

– А, бывает! Я вот люблю детей, а Мальвина не особо! – сообщил он.

– Дети всё пачкают и трогают! А ты повсюду разбрасываешь клочки своих рукописей! Написал стишок – убери за собой! Любой поэт – это огромный ребёнок! – заключила Мальвина. В такие минуты она почему-то забывала, что и сама рифмомаг.

Мальвина шла крупными шагами, недовольно поглядывая по сторонам, как бы в поисках того, кто собирается её обидеть. За отсутствием желающих главным навеки виноватым был назначен Пьеро. Мальвина каждую секунду придиралась к нему. Спорщица она была ужасная. Пьеро знал, что она будет спорить бесконечно, и торопливо соглашался. Мальвина топала ногами и злилась:

– Что за мужик! Никакого собственного мнения! Спорь! Спорь! Спорь со мной! Не будь тряпкой!

Чтобы напрасно не ругаться с Мальвиной, Пьеро стал бегать и ловить ртом снежинки. При этом заурядцев, луж, бровок и прочих незначительных препятствий он не замечал. Для человека творческого они были непринципиальны.

– У снежинок вкус города и смога! – в восторге крикнул он Мальвине.

– У них вкус туберкулёзной палочки! А ну перестал! Куда под машину полез?! Про меня подумают, что я встречаюсь с психом! – прошипела Мальвина, хватая его за руку. Её почему-то гораздо меньше беспокоило, что подумают про самого Пьеро.

– Ах так! Тогда я сейчас наглотаюсь снега, простужусь и умру! Пусть за тобой ухаживает Глызя Косорыл, одноглазый ловелас с Маг-ТВ! Он сегодня приставал к тебе всё утро! – сказал Пьеро и подпрыгнул повыше, чтобы топнуть сразу двумя ногами. Несмотря на свою робость, он был ревнивее Отелло.

– Он не ухаживал, – объяснила Мальвина Еве. – Он снимал материал про наш отряд имени Лиха Одноглазого! А заодно очень интересовался библиотекой.

Видать, что-то разнюхал. Мы, конечно, помалкивали.

– А что у вас творится в библиотеке? – крикнул с электрокара Филат.

– Кто-то дважды пытался проникнуть в ОООК – Отдел Особо Опасных Книг, – объяснила Мальвина. – В первый раз мы с Пьеро решили, что произошло случайное срабатывание защитной магии. Во второй раз уже имелись следы проникновения. Магия немного изменила оттенок, пара оповещающих паутинок была аккуратно срезана. Кто-то незаметно, очень вкрадчиво пришёл, поковырялся в защите и ушёл.

– Так он проник или нет? – уточнил Филат.

– Не проник, – уверенно сказала Мальвина. – Он снял почти все чары, но к некоторым из защит оказался не готов. Но он учитывает все ошибки. Что-то ему в нашем отделе очень нужно.

– Вы начальству не сказали?

– Нет. Мы своё начальство знаем. Нагонят кучу атлантов – и никакого толку. Мы хотим разобраться сами.

– А что можно украсть в ОООКе? – спросила Ева.

Мальвина уставилась на неё с возмущением:

– Да что угодно! Отдел Особо Опасных Книг – сердце Запретной библиотеки. Любая запретная магия, любые тайны – всё там!

Шли они долго, часто петляя. И почему-то электрокару всё время было с ними по пути, чему Ева немало удивлялась. Пьеро, много раз обрызганный машинами, перестал выбегать на дорогу. Теперь он купил в магазине три окаменевших пломбира и, никого не угощая, грыз их и собирался замёрзнуть заживо.

– Косорыл! – произносил он дрожащим голосом. – Мальвина Косорыл! «Девушка, как ваша фамилия?» – «Мальвина Косорыл!» Ха. Ха. Ха.

«Блин... – подумала Ева. – Не только она его достаёт! Он ей тоже выносит мозг! Вот уж парочка!»

Неожиданно Мальвина свернула к высокой каменной стене и остановилась.

– Мы на месте! – сообщила она.

Филат спрыгнул с электрокара, крутя на пальце ёлочную игрушку. Водитель электрокара почему-то остановился и теперь жалобно вертел головой. Он явно не понимал, где находится. Ева укоризненно взглянула на Филата. Ей стало ясно, почему электрокару всё время было с ними по пути. Стожар что-то смущённо пробормотал про два капа и уставшие ноги.

Пьеро старинным ключом отомкнул в стене калитку, и Ева увидела рыжеватое здание. Когда-то его штукатурили, но штукатурка облезла, сохранившись лишь у крыши. При внешней простоте архитектуры строение было непонятное. Поначалу Ева подумала, что у дома три этажа. Затем – что пять. Арочные окна, разбросанные хаотично, сбивали с толку. Окна первого этажа частично вросли в землю. Верхние окна были забиты жостью. Крыша острая, как у башни.

– Сколько здесь этажей? – спросила Мальвина.

– Четыре или пять, – ответила Ева наудачу, решив назвать побольше.

Мальвина усмехнулась:

– А лет этому дому сколько?

– Ну, лет... э-э... двести...

– На самом деле ему скоро шестьсот. Это первое высотное здание Москвы. Монастырское сушило Симонова монастыря – многоэтажный склад для хранения продуктов. Если затащить мешки повыше – сырость будет меньше, чем в подвалах, можно проветривать, проще разбираться с мышами и всё такое.

Голос у Мальвины был какой-то таящийся. Она вроде бы объясняла, но одновременно и посмеивалась. Что-то заподозрив, Ева растянула пальцами края

век, задрала голову в попытке увидеть крышу – и её сразу стало заваливать назад. Кирпичное сушило осталось таким же рыжим и облупленным. Окна всё так же хаотично прыгали по стенам, возникая в самых неожиданных местах. А вот крыши не было. Точнее, она была, но где-то чудовищно высоко. Выше туч.

– А-а-а-а-а!

– Не «а-а-а!», а триста двенадцать этажей, – пояснил Пьеро. – В дождливую погоду даже немного больше. После каждого серьёзного ливня дом отращивает один-два этажа. И ещё здесь хранилище списанных магических книг.

Макси-фейсы, увидев высоченный дом, радостно взвизгнули. Задора и Ниська подхватили за плечи нелетающего Тита и стремительно взмыли с ним ввысь, держась вдоль стены дома.

– Вы так внутрь не попадёте! Всё заблокировано! – крикнула им вслед Мальвина.

Макси-фейсы что-то завопили в ответ, но слов было не разобрать.

– Эти сиротки куда угодно пролезут! – заверил Мальвину Филат.

* * *

Пьеро, провожавший макси-фейсов взглядом, застыл как вкопанный.

– Он опять тут! Он всюду преследует тебя!.. – простонал он. – О, подлый-подлый Косорыл! Любви моей ты яму рыл!

Мальвина ещё пыталась сообразить, что нашло на Пьеро, но тут откуда-то сверху свалилась маленькая пузатенькая магшинка красного цвета. У магшинки были огромные орлиные крылья. Чуть впереди крыльев, практически над лобовым стеклом, торчало нечто, что Ева вначале приняла за пулемёт. Это были счетверённые видеокамеры, которые, непрерывно вращаясь, снимали всё, что происходит вокруг. На дверях вспыхивали и беспрестанно перетасовывались крупные буквы: «Маг-ТВ», «ТВ-Маг».

Едва магшинка села, из неё выбрался рыхлый детина в свитере, без усов, но обросший жёсткой бородой, и распахнул багажник. Из багажника вылетело, разлетевшись в разные стороны, с десятков камер на крылышках. Детина с бородой управлял камерами при помощи дирижёрской палочки.

Подчиняясь движениям палочки, крылатые камеры принялись носиться вдоль стен Запретной библиотеки, снимая всё подряд. Одна камера зависла рядом с Евой, другая рядом с Филатом. И ещё одна явно дразнила бледного от гнева Пьеро, то подлетая к нему снизу, то подкрадываясь со спины. Пьеро пустил в неё боевой искрой, но камера ловко увернулась.

Задняя дверь магшинки распахнулась, и из неё выскочил изящно одетый человечек. На левом глазу у него была чёрная повязка, в руках он держал массивный микрофон. Единственный глаз его кокетливо подмигивал Мальвине, а заодно и зрителям.

– Добрый день, ночь или что у вас там на дворе, наши драгоценнейшие зрители! С вами Маг-ТВ и его скромный, как все гениальное, и гениальный, как всё скромное, корреспондент Глызя Косорыл! Мы находимся у здания Запретной библиотеки – одного из самых охраняемых зданий Магсквы! Недавно нам стало известно, что в последнюю неделю здесь творится что-то загадочное!.. И вот мы, глаз не сомкнув, крошки во рту не держав и непрестанно неся...

– ...полную чушь! – громко сказал Пьеро.

– ...боевую вахту, – не моргнув единственным глазом, продолжил Глызя Косорыл, – застигли на месте преступления эту четвёрку! Вот они: стожар Филат!.. Подчёркиваю: стожар! Всего одно только слово – и уже всё сказано! С ним рядом Ева, девушка, которая даже не является магом, но уже многократно подозревалась в незаконном применении рыжья! Хороший старт, не правда ли? И наконец, Пьеро и Мальвина – клеветы Невера Нахабы! Кстати, кто такие клеветы? Это что-то хорошее или что-то плохое? Я вечно забываю...

Ещё с десятков камер, перепорхнув, теперь снимали Еву, Филата и Пьеро с Мальвиной со всех возможных ракурсов. Счетверённые камеры на крыше магшины нацелились на них же.

– Никто не хочет ни в чём сознаться? – возвысил голос Глызя Косорыл и, сделав трёхметровый прыжок, оказался между Филатом и Пьеро.

Филат, не выдержав, щёлкнул пальцами. Искра, которую он выпустил, была очень слабой, едва заметной. Капа на два зелёных. Но в тот же миг у одной из камер подломилось крылышко. Она врезалась в соседнюю камеру, да в ещё одну – и минимум три камеры грохнулись на землю.

– Вы видели, любимые зрители, что натворил этот стожар?! – вознегодовал Косорыл. – Причинил Маг-ТВ убыток не менее чем в пятьсот магров! И с какой целью? Конечно, чтобы скрыть от вас, от наших чудесных зрителей, свои злобные похождения... Тьфу... это обрежем!.. свои кошмарные злодеяния! – Внезапно Глызя махнул рукой и опустил микрофон. – Ну и зачем было камеры портить? – сказал он уже другим, менее телевизионным голосом. – Это был даже не прямой эфир! Ах, Мальвиночка! Такая красивая женщина, достойная большего, – и окружить себя какими-то подозрительными типами! Неблагополучные подростки! Поэт-неудачник! Не понимаю...

– Убью! – тихо сказал Пьеро и заскрежетал зубами.

От магператора это не укрылось. Сразу две камеры уставились на Пьеро. Лицо ревнивого мага выдавало столь живые реакции, что магператор просто не смог удержаться.

– Я вас знакомил? – продолжал тарыхтеть Глызя. – Жорж! Лучший магператор магического мира! Говорит только о работе, о жратве и о драках. Больше никаких интересов. Вот спросите у него: Жорж, роднуша ты мой, помнишь наш кругосветный перелёт? Ты был одним из немногих счастливых, которым удалось его совершить! Твои впечатления?

Магператор перестал жевать бороду и почесал спину дирижёрской палочкой.

– Гадость. Над океаном, прикинь, паршивое освещение, дождь – и никаких, прикинь, условий для съёмки, а в Мексике я траванулся пойлом из кактусов, – произнёс он ржавым басом.

Ева обратила внимание, что волосы у него в бороде очень жёсткие. Ну прямо как железная мочалка, которой оттирают сковородки.

– Ай-ай! – с видом провокатора зацокал языком Глызя. – А высадка десанта на остров Крит? А, Жорж? Ты же тоже был очевидцем! Зрителям напоминаю, что это событие вошло в историю как эпохальная битва с циклопами. Остальные могут узнать подробности на платной версии канала! Всего два магра зелени в неделю – разве это много для уважающего себя мага, который хочет быть в курсе всего, что происходит в мире?

Магператор засунул короткие пальцы в бороду и чего-то там поскрёб с железным звуком. Ева подумала, что первое её впечатление про бороду было очень верным.

– А... Крит? Это где мы завязались с циклопами, которые сожрали нашего туриста?.. Ну, короче, жратвы у них мало было – а тут наш десант. Ну, они чуть от счастья не померли! Думают, добавка летит! Прикинь, сидим мы где-то в горах, жратвы никакой... Наши консервы через расщелину к циклопам попали. Те их лопают, а условий для съёмки никаких. Деревья всё перекрывают.

– А с циклопами чем закончилось? – с интересом спросил Филат.

– Прикинь, постреляли и замирились. Циклопы такие говорят: высаживайте десант хоть каждый день. И сбрасывайте десанту побольше жратвы, а мы её ловить будем! – гоготнул Жорж.

Глызя Косорыл, перемещаясь обычными для него резкими прыжками, подскочил к Мальвине и обнял её за плечи:

– Улыбочка, детка! Фотка для архива Маг-ТВ!

Пьеро, и без того давно кипящий, окончательно потерял самообладание и набросился на Глызю с кулаками. Зажмурившись, он размахивал руками в стиле «тракторист у клуба», ухитряясь при этом выкрикивать бессвязные стихи и рассыпая зелёные искры. Глызя Косорыл ловким воробышком скакал с места на место, приседал, уклонялся и закрывался микрофоном.

– Снимай, Жорж, снимай! – в восторге кричал он.

Изумлённый Пьеро остановился, перестал размахивать руками и открыл глаза.

– Ну, как я дрался? Блестяще? – спросил он у Мальвины.

– Да, в общем, ничего! – сказала Мальвина. – Только в другой раз не визжи как девчонка, не поворачивайся к противнику спиной и не закрывай глаза!

– Что?! – огорчился Пьеро. – Но я же врезал ему в ухо! Один раз минимум!

– Ты, конечно, врезал в ухо, но не ему, а мне! – мягко сказал Филат.

Пьеро охнул и в тоске присел на корточки. Глызя Косорыл мигом усмотрел изменение в его поведении, подскочил и похлопал его по спине.

– Ты взял себя в руки? – спросил он вкрадчиво. – Тогда как насчёт короткого интервью? Недавно Маг-ТВ стало известно, что из Запретной библиотеки пытаются что-то похитить!

– Никаких комментариев! – трагически произнёс Пьеро.

– Прямо никаких? Ни одного официальненького комментария для любимых зрителей? Ай, горе-то такое! А ведь за охрану этого отдела – ОООК он, кажется, называется?.. – отвечаете вы с Мальвиной! Об этом наш магформатор тоже нам сообщил!

Мальвина с Пьеро быстро переглянулись. От опытного репортёра это не укрылось.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дай мне посмотреть! (цыг.)

2

Даю тебе слово! (цыг.)

3

Ты врёшь, я знаю! (цыг.)

4

Не делай так! (цыг.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/emec_dmitriy/sokrovische-sivoyary

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)